

Этьен Экзольт
Богиня бессильных

Этьен Экзольт

Богиня бессильных

«Издательские решения»

Экзольт Э.

Богиня бессильных / Э. Экзольт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930154-3

Фантастический роман об импотенции. Когда улицы города полны иностранных агентов, бунтовщики сходятся в страстной битве с полицией, взрывы развлекают площади, а война длится уже миллион сновидений, что может беспокоить мужчину больше, чем потерявшая былую твердость плоть?

ISBN 978-5-44-930154-3

© Экзольт Э.

© Издательские решения

Богиня бессильных

Этьен Экзольт

© Этьен Экзольт, 2018

ISBN 978-5-4493-0154-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

После автокатастрофы я стал импотентом.

Травмы мои были несерьезными, хотя и вынудили меня провести три недели в больнице, под присмотром заботливого доктора Гиррона и, по его словам, не менее пары месяцев требовалось мне для полного восстановления. Жена приходила в мою палату почти каждый день, вызывая завистливые восторги со стороны как собратьев из племени пациентов, так и докторов, не исключая и уже упомянутого мной профессора. Прочих страдальцев травматологического отделения, в том числе и неспособных подняться с кроватей, их неопрятные, обрюзгшие, обвешанные детьми жены посещали изредка и торопились уйти, оставив дурно пахнущие контейнеры с домашними блюдами, вызывая у мужей лишь раздражение. Ирина же появлялась в образе наиболее приятном мне, с губами, едва способными шевелиться от тяжести налипшей на них помады, в блузах, позволявших рассмотреть подробности кружев под ними, бюстгальтерах, не пытавшихся удержать ее увлекательные груди, коронованные яркими, постоянно возбужденными сосками и коротких юбках, угрожавших разорваться каждый раз, когда она садилась или наклонялась. Во время прогулок по яблоневому саду, раскидывавшему свои гнилые плоды по узким надтреснутым дорожкам, я прилежно, до воспаленной красноты мyal ее груди и ягодицы, не ощущая в себе привычной твердости, но относя это на счет незаживших травм, смягчающей тяжести обезболивающих препаратов и общей моей, возмущавшейся каждым движением слабости. Но, когда в первую же ночь по возвращении домой Ирина в течение часа не смогла ничего добиться при помощи оскотпляющих губ и языка более подвижного, чем влюбленный слизень, я счел беспокойство допустимым. На следующее же утро я позвонил велеречивому Гиррону, поспешившему заверить меня, что подобное нередко случается с пережившими угрожавшие жизни явления мужчинами и виной тому не нарушения во внутренних органах или работе желез, но некое перенапряжение нервной системы, все последствия свои обязанное вскоре изгнать из меня. Попытки настоять на дополнительном обследовании встретили неприятие со стороны заботившегося о моем кошельке профессора, уверявшего в избыточности сделанных во время моего пребывания в его клинике изучений для однозначного заключения. Посоветовав мне не беспокоиться, посвятить время отдыху и развлечениям, он повесил трубку. Сама Ирина поражавшая неутолимой похотью даже меня, долгое время обитавшего в обществе имеющих отношение к созданию порнографии личностей, отнеслась к моему состоянию спокойнее моих ожиданий. Каждую ночь она тратила не меньше получаса, обрушивая на мою обмякшую плоть торжественную тяжесть горячих грудей, всю ярость проворного язычка, рядом с которым медлительной казалась трещотка гремучей змеи. Ничуть не смущаясь очередной неудачей, она удовлетворяла себя руками и засыпала, оставляя меня в бессонной ярости. Любые резкие движения давались мне тяжело, я быстро уставал и начинал задыхаться и потому даже пальцы и язык мои стали временно непригодны для удовлетворения женщины.

Когда мне удалось найти объявление специалиста по мужской физиологии, мы поехали к нему вместе. Доктор оказался смешливым мужчиной лишь на пару лет старше меня. Засунув татуированные руки в карманы поднявшего рукава до локтей халата, он вышел в приемную,

около часа пытавшую нас посредством голубых пластиковых стульев, осмотрелся, как будто кроме нас имелись здесь и другие, различные только для его взора посетители, уставился на Ирину, вождеющее моргая глазками за узкими стеклами очков и, обращаясь к ней, попросил нас проходить.

Внимательно просмотрев результаты моих обследований, он, поскрипывая вращающимся табуретом, коричневой кожей напоминавшем мне кресла в кабинете моего отца, в детстве казавшиеся мне пугающими живыми чудовищами, заявил о своем полном согласии с выводами господина Гиррона, бывшего некогда его преподавателем. Тем не менее, он согласился осмотреть меня, отвел за черную ширму с нескромными на ней красавицами, наличие здесь которых, как и расставленные на столе и полках пластиковые фигурки соблазнительных чаровниц, имело, как подумалось мне, тот же смысл, что и присутствие игрушек в детском стоматологическом кабинете. Тошнотворно липкое, скрипучее и деловитое латексное прикосновение доктора изучило всего меня, заглянуло к скрытой простате, не обнаружив ничего, способного указать на недуг или повреждение. Когда мы вернулись, Ирина поднялась с белого стула, внешностью убеждавшего в родстве с его подобиями в приемной и юбка ее, и без того почти не прикрывавшая бедра, задралась, вздымая черную свою тонкую кожу и предоставляя доктору возможность насладиться грозной яркостью красных кружев.

Покачиваясь на табурете, постукивая по краю стола шариковой ручкой, притворявшейся втиснутой в сетчатый чулок стройной женской ножкой, доктор задумчиво посмотрел на меня, провел ладонью по лысой голове, почесал кончик длинного носа и снова отметил точность сделанных профессором выводов.

– Неужели вас совершенно ничто не может возбудить? – сомнение его подозревало меня в неведомой лжи, в нежелании совокупляться с собственной женой, тайно пережитой венерической болезнью или ином, не менее понятном и постыдном проступке. Мне доводилось встречать мужей, испытывавших неумное отвращение к своим женам, казавшимся опьяняюще соблазнительными многим другим мужчинам, потому я нисколько не удивился тому вопросу и лишь сокрушенно покачал головой.

– Не может быть. – лукавое размышление сузило его глаза. Опустив голову, царапая пальцами серебристый пластик стола, он некоторое время пребывал в той отстраненной задумчивости. Затем, сопровождая то резким взмахом руки, он издал требовательный возглас, сопровождая его соответствующе направленным взглядом.

– Покажите ему грудь!

Требовательная мощь того приказа, неожиданность его после стерильной тишины, парализовали меня и, когда Ирина в недоумении обратила ко мне взор, ожидая запрета или благоволения, я не смог и пошевелиться, что она сочла признаком последнего.

Для того, чтобы выполнить его требование, ей достаточно было высвободить две треугольных пуговицы, отчаянно цеплявшихся углами за серебристые петли, после чего тонкий красный шелк сам соскочил с услужливой покорностью, радуясь избавлению от уродующего натяжения. Вдавленные в черное кружево, груди ее радостно раздвинули блузу. Мягким движением пальцев она сдвинула дождавшиеся того, соскочившие с возмущающей, иссушающей разум плоти чашечки, обнажая бледную тайну, один лишь взгляда на которую насытить мог десяток похотливых книжечек. Обнажившись таким образом, Ирина стояла, горделиво выпрямившись, переводя взор с меня на доктора, придерживая бюстгальтер пальцами. Доктор же смотрел на нее так, словно узрел анатомическую диковину, ранее встречавшуюся ему только в сочинениях великих лекарей древности. С шумом выпускающей воздух надувной женщины он вскочил и левая рука его вцепилась в мою промежность, где все сохраняло свою первозданную мягкость.

– Действительно! – схватив мою руку, он прижал ее к своим гениталиям. – Вот как должно быть!

Под своими пальцами я ощутил воинственное, горячее напряжение, плотную тугую неприязнь ко всему бесполому, бесплодному, безжизненному, готовую поразить любого, сомневающегося в превосходстве двуполого восторга.

– Вот так! – пальцы его обхватили запястье моей жены и ладонь ее оказалась на месте моей, отброшенной и отвергнутой. К моему удивлению, считавшая себя брезгливой, она не отдернула руку, не выразила никакого возмущения, а губы ее отыскивали среди радужных пустот улыбку похотливым видом смутившую бы и самую порочную мурену. Не особенно возмущал и я сам, понимая, что за прошедшие со дня моего дорожного происшествия дни она истосковалась по ощущению мужского члена и мне не следовало отнимать у нее возможность почувствовать проникновенное напряжение.

Покидая смешливого доктора, мы пообещали непременно заглянуть к нему еще раз, при первой же возможности. Посещение других специалистов, его коллег, представлялось мне бессмысленным и склонялся к мысли поверить им и позволить времени, прекраснейшей из распутниц, умелыми губами ее, высасывающими досуха солнца, вернуть мне прежние силы.

Следуя рекомендациям, я проводил все время в своей квартире. Начальник мой несколько не смутился и не опечалился, узнав о возможном двухмесячном моем отсутствии и позволил не появляться в конторе, сохранив в полной мере поступающие на мой счет средства. В прошлом заключенные мной договоры принесли фирме немалую прибыль, и прежние заслуги позволяли мне не только сохранить место, но и получить давно уже ставший миражирующей мечтой отдых. Конечно же, Ирина представляла его несколько иначе. Среди предпочитаемых ею вариантов присутствовали неустанное совкупление, исключаящее выход из дома и какие-либо иные занятия или поездку на раскаленные острова, где она смогла бы сбросить купальник на визгливый песок, обрушив крабы норы и омыть свою увлеченную наготу в разрываемых прибоем волнах. Мало удовольствия доставляло и мне пребывание в сонной слабости. Просыпаясь, когда Ирина уже собиралась или готовилась уходить, я, лежа нагим на кровати, тоскливо наблюдал за тем, как она отравляла губы помадой, затачивала ресницы тушью, облачала веки в тенистую броню, втискивалась в узкие юбки, затягивала себя в топы и блузы, выбирала неизменно высокие каблуки для стачивания об асфальт и, послав мне воздушный поцелуй или оставив преступный отпечаток губ на головке мягкого члена, покидала меня до позднего вечера. У меня не было никаких возражений. Без ее присутствия мне было спокойнее, ибо я не чувствовал постоянного давящего упрека, каковым было для меня исходившее от жены возбужденное напряжение и угрожающий, расширяющий ноздри запах, становившийся временами таким сильным, что мне хотелось ударить ее.

Стоило ей уйти, как я засыпал и пробуждался несколькими часами позже. Не менее пол часа я лежал, собирая силы, чтобы встать и отправиться в уборную. В один из первых дней моего заточения, поторопившись, я провел около часа без сознания на полу и стал после этого намного медлительнее и осмотрительнее.

Долгое время я сидел на краю кровати, тяжело дыша, рассматривая черные половицы, свесив с колен руки, после чего аккуратно поднимался, готовый, в случае необходимости упасть обратно на кровать, опираясь на поднимавшийся почти до потолка стальной столб изножья перебирался к шкафу, сотрясая его дверцы левой рукой и далее, находя опору в холодной стене, продвигался до уборной, где долго стоял, дожидаясь, пока тонкая струйка соизволит вырваться из меня в черный распутный блеск. Изредка после этого я совершал немыслимый вояж на кухню, где обеими руками с трудом приподнимал краснокожий пластиковый чайник, чтобы налить себе воды в бокал с золотыми на нем орхидеями. Но чаще всего путь мой вел прямо от уборной по коридору, казавшему мне бесконечным, мимо двери в гостевую спальню с правой стороны и кабинета напротив нее, к комнате, которую мы называли залой, наиболее просторной из всех. Здесь я, задыхаясь, чувствуя, как оставляют удары сердца трещины на ребрах, низвергался на старый диван и почти сразу же засыпал вновь. В иные дни я при-

знавал себя бодрствующим только с возвращением Ирины, разбуженный радостным грохотом входной двери и пробивающим череп лязгом каблуков. Иногда же мне оказывалось достаточно пары часов, чтобы сперва воспринять в тоскливой полудреме, уже чувствуя себя удалившимся от сна, но не приблизившимся к реальности, а затем обрести распухающее, вдавливающее меня в мироздание пробуждение. Сознание мое, обитатель глубоководный, медлительный, неповоротливый, тяжелый и прозрачно-изнеженный, соблазненное яркими огнями поверхности, где бредили прочность и смысл, замирало в нерешительности, неторопливо дрейфуя к ним, осознавая губительную их негу и неспособное сопротивляться яростному тому влечению. Иногда для того требовалось весьма продолжительное время, почитаемое мной как одно из самых счастливых. Осознаваемое забвение той тягостной полудремы, не позволявшее мне в полной мере принимать бедственное положение мое, казалось величайшим благоволением ко мне со стороны всего неведомого и непреклонного.

В этой квартире было слишком много пыли. Она кружилась в воздухе туманными течениями, смешиваясь с благовониями, всплывающими из каменных, пластиковых чаш, расставленными по мебели там, где жена моя, руководимая случаем, нашла им место. Разноцветные темные их дымы кружились чарующими медузами, дурманящими змеями, сходились в сладостном акварельном соитии, сливались и переплетались для пряноточивых своих бесед, сгущаясь и заставляя меня бояться способности их обрести соответствующую жизни плотность и поглотить, отравить, пожрать меня, беззащитного перед их мускусной ненасытностью. Сочетаясь с пылевыми потоками, они создавали завесу, вскоре после полудня становившуюся такой густой и мрачной, что я почти не различал за ней шкафов, вставших темной уродливой стеной у противоположного края комнаты, находившегося от меня в четырех шагах. Удушливое то марево казалось мне вполне соответствующим моему состоянию, успокаивало и умиротворяло меня, объятого невозмутимой неподвижностью как иные-мечтами о богатстве. В нем я чувствовал себя неуязвимым и легким, пусть и не позволяло мне оно обрести силы или решимость, каких хватило бы для успокоения воспаленного трепета в глазах моей жены.

Так проходил день за днем. Иногда я почти не замечал перемещения времени, пробиравшегося под черным ковром с танцующими на нем красными собаками, не пробудив их волнения, не потревожив ни единой пылинки на нем. В другие дни мне казалось, что Ирина пришла обратно, едва я лег на диван и я удивлялся причине столь скорого ее возвращения. Но случилось и так, что каждая минута становилась давящим антрацитовым облаком, маслянистой гнилостной жижей, сладкой и ядовитой смолой, втягивавшей меня для того, чтобы, увязнув в ней, я не мог выбраться из ее леденящих глубин на протяжении мучительной вечности. Тогда, радостно выпрыгнув из дымчатой мглы, время вонзало янтарные клыки в мою свесившуюся с дивана руку, игриво посматривая на меня змеиными глазами, ожидая ответа моего на столь непозволительное его поведение. Но я мог только лежать, сдерживая горячую тошноту, умоляя жену вернуться поскорее.

В один из таких вечеров, когда радость моя от появления ее, глашатаем которому был скребущийся треск совершающего свое привычное насилие над скважиной ключа, превзошла любую из наших прошлых встреч, не исключая и первых свиданий, допуская легкомысленные опоздания и расчетливые неудачи, Ирина забыла о привычке моей проводить дни в зале и не заметила меня. Войдя и распалив предсмертную страсть в тусклой лампе под потолком прихожей, она скинула обреченно загремевшие туфли, сделала несколько шагов от входной двери и встала у узкого высокого комода, обитавшего напротив двери в залу. Красная кожаная юбка уменьшала ее ягодицы вдвое, под золотистым узором белой блузы не видел я бюстгалтера. Потирая пальцами правой ноги левую щиколотку, она швырнула на комод черную круглую сумочку, вскрыла ее молнию с небрежностью усталого коронера, после чего выдернула из нее и сжала в кулачке то, что я немедленно определил как черные шелковые трусики, вознесение которых к ее бедрам я наблюдал некоторое время назад.

От волнения я нашел в себе силы приподняться, но она, тряхнув головой, уже прошла дальше в квартиру. Голодно скрипнула дверь в ванную, но водяного дребезга не последовало. Вместо этого она, заглянув в спальню, издала смеющийся возглас, пробежала обратно к зале и встала в дверном проеме, держа за него правой согнутой рукой.

– Вот ты где! – веселость ее возмущала меня. К тому времени я уже смог сесть, положив голову на спинку дивана, наблюдая за ней со злобным недоумением.

– Почему на тебе не было трусиков? – в хриплом моем пристрастии невозможно было заметить и призрака требовательной ненависти, сделавшей бы искренний ответ неотвратимым.

– О чем ты? – пальцы ее погладили белое дерево.

– Я все видел. – мне удалось махнуть пальцами в сторону прихожей и порыв сей отозвался двумя тяжелыми ударами сердца и темными пятнами перед взором.

Повернувшись, она поняла, что содеянное ею было замечено мной и отрицание становилось более бессмысленным, чем ловля птиц в дождливый день.

– Я заходила в общественную уборную. Мне показалось, что на них попала вода.

– Дай их мне. – протянув к ней руку, я почувствовал себя совершенно бессильным от того подобающего нищему жеста.

– Я уже бросила их в стиральную машину. – двумя кривящими бедра шагами она оказалась передо мной, села слева от меня, подогнув под себя правую ногу, положила одну руку на мою шею, а другую – на промежность. – Как мы сегодня себя чувствуем?

– Принеси их мне. – от возрастающей злости я почувствовал, как напрягаются мышцы моей шеи и пытаются сойтись в воинственные кулаки пальцы.

– Не волнуйся так! – ласково погладив меня по волосам, она вызвала только новый приступ раздражения. Прежде, чем я успел сказать что-либо, шею мою сдавила стальная судорога и я потерял сознание. Очнувшись через несколько часов на кровати, куда она неведомо как сумела меня дотащить, я уже не чувствовал себя в силах продолжать какие-либо требования. В следующий раз я увидел то ее белье уже чистым, уютно обвившим насмешливо блестящую трубу сушки.

Силы возвращались ко мне с медлительностью зарождения жизни. Первым признаком того стала ворвавшаяся напористым скорпионом оскорбительная скука. В попытке хоть как-то развлечь себя, я попробовал читать, но даже совместные старания пяти ламп, запряженных в стальную сбрую под потолком залы не смогли донести свет до страниц достаточно ярким. Как ни старались они, но усыпляющие испарения и пыльное торжество останавливали их, вынуждали гибнуть, гаснуть, поворачивать назад, растворяясь и стая от горечи невыполненных обещаний. Рассмотреть буквы в этом подвижном сумраке не представлялось возможным и тогда взор мой задержался на телевизоре. Приобретенный много лет назад, он был оживляем лишь изредка, служа фоном для растерянного времяпрепровождения или для просмотра принесенной кем-либо видеозаписи. Все остальное время он возвышался темным лаковым менгиром, хранителем неумолчных душ, пристанищем трусливых неудачников и наивных красавиц, гробницей великих воинов, сказителем историй о немыслимых и глупых подвигах. Теперь же я вспомнил о его способности развлечь меня безо всяких усилий с моей стороны. Мне даже не пришлось бы, как в случае с приобретенными фильмами, опасаться завершения видимого и необходимости перематывать или менять его. Непредсказуемое чередование телевизионных передач, фильмов, рекламных роликов, музыкальных клипов, стало в воображении моем тем восторженным калейдоскопом, из кружения которого могла возникнуть столь требовавшаяся для меня энергия и я нажал на кнопку пульта с воодушевлением рыцаря, пронзающего сердце дракона.

Потускневший от налипшей на него пыли экран вспыхнул, не веря в собственное возвращение, моргнул, освещая комнату жидкой молнией, и явил мне лик лоснящегося молодого мужчины, сидящего за белым столом на фоне мозаичных небоскребов и звероподобных фла-

гов, с уверенностью проповедника вещающего нечто неслышимое. За долгое время, проведенное в вынужденном молчании, устройство лишились возможности производить звук. Как ни увеличивал я его, все видимые мной персонажи оставались немymi. Бесслышно торжествовали взрывы, ни единого смятения в круговоротах пыли не производили грузные самолеты, не слышны были возгласы женщин, обвинявших мужчин в том, что, судя по неистовому блеску глаз, могло быть только содеянной с одноногой карлицей изменой.

Не меняя канала, я находил приятное разнообразие в прыгучем хаосе бессвязных образов и новых лиц. Пребывание в тенистом заточении заставило меня забыть о существовании вне пределов его бессвязного мира, привлекательного в своей легкомысленной яркости, увлекательно непоследовательного в неудобоваримых проявлениях своих. И теперь, когда в течение часа передо мной могли появиться видения жаднотелых женщин в купальниках, ткани которых было бы недостаточно для сберегающей мой сон маски, образы марширующих юнцов в черной униформе и красных беретках, горделиво вскидывающих ноги в зубастых ботинках, кадры ползущих к побережью смерчей, разгоняющих стада рыбацких лодок, мутные лики немых планет, сфотографированных добравшихся до них сотни лет механическими пауками, ликами великолепных старцев в золотых мехах, вещающих нечто упоительно-страстное с трибун и тронов, зрелища вспылчивых детей, вертящихся в незнакомых мне танцах, я чувствовал все это порождением блуждающих по моим кровеносным сосудам остаткам разбитой страданиями армии обезболивающих, снами дезертировавших из нее рассудительных и опытных воинов, отзвуками их рассказов и песен, перебродившими в садах моих воспоминаний. Слишком быстро уставая от неумной торопливости происходящего на экране, я иногда позволял себе утонуть в слезливой полудреме, не опасаясь более ничего, ибо блеск экрана служил надежной защитой от времени, не решавшегося ступить в освещенный новостной яростью предел.

Проснувшись в очередной раз, я увидел великолепного мужчину, каким мне всегда хотелось быть. При его росте ему не пришлось бы вставать на стул, чтобы достать старые альбомы фотографий со шкафа, ширины его плеч достаточно было для вместительного журнального столика, черные кудри выглядели такими тугими, что едва ли смогли бы их выпрямить мои пальцы. Острые скулы придавали ему вид целеустремленный и жестокий, бледные губы, предназначенные для сигар и широких бокалов, создавали неровным изгибом своим улыбку хищного самодовольства. Длинный, с мягкой горбинкой нос должен был указывать на значительный размер его мужского органа, брови могли бы быть и чуть более густыми, если хотели соответствовать прочим чертам в мужественности их, а чуть сощуренные глаза холодили брезгливым вожелением пресытившегося сластолюбца.

За его спиной, скрывая название фильма, виднелась афиша, представлявшая его в образе полуголого воина с шипометом в правой руке, левой указывающего куда-то перед собой, выкрикивающего приказы следующей за ним армии скелетов. Где-то позади них оранжевым всплеском распирал темноту взрыв, испуганно жалась к пустоте тонколицая брюнетка и происходило много всего другого, представленного мне не допускавшими уточнений деталями.

Мужчина говорил, замирал, наклонив голову, внимая, как предположил я, вопросам, заигрывающе смеялся, пожимал плечами, взмахивал короткими пальцами, демонстрируя собой существо успешное и самоуверенное и не способное заинтересовать меня ничем, кроме внешнего превосходства.

Я почти готов был уже вернуться к своей папоротниковой дремоте, когда неожиданное смещение вынудило меня очнуться, как будто в комнату вползла на крокодиловых ногах леопардово – обморочная галлюцинация.

На экране появилась моя жена.

По долгу работы ей часто приходилось бывать на различных мероприятиях, включавших и премьеры всевозможных фильмов, от развлекательного неистовства до унылого глубокомыслия. Не обращая внимания на камеру, она шла в задумчивой торопливости, чуть опу-

сбив голову, но мужчина, ощутив ее появление, обернулся, окликнул ее и она, вскинув взор, приветливо улыбнулась ему, в то же мгновение изменив движение так, что в два шага оказалась подле него. Все, что было на ней, выбрало для себя черный цвет. Опустошенный золотой звездой топ прилипал к столь же темному под ним бюстгальтеру, столкнувшему груди, сдавившему их в округлом величии, изогнувшем цепкой пыткой искристые лучи. Прозрачные перчатки затеняли собой руки, не решаясь прикоснуться к заразным пальцам, юбка кружилась кичливыми волнами, тонкие золотистые кольца во множестве столпились на запястьях, тусклая помада заволокла губы, дразня гибельным контрастом вспоротые прямым пробором волосы, допустившие в себя желтоватого оттенка ровно столько, сколько требовалось на устранение простодушной их белизны.

Стоило Ирине приблизиться к актеру, как он схватил ее за локоть и притянул к себе, немедленно переместив на талию вынырнувшую с другой стороны под рукой моей жены руку.

Ничуть не сопротивляясь тому и принимая это так, как будто была она его спутницей, если не более того, она стояла рядом с актером, глядя то на него, то на что-то за пределами экрана с некоторым беспокойством, ожидая или опасаясь опоздания. Мужчина все сильнее прижимал ее к себе и я увидел, как левая ее грудь вдавливается в его руку, а пальцы актера поднимаются при этом от талии все выше, намереваясь коснуться груди правой. Волнение мое достигло при этом того суетливого предела, за которым не могло быть ничего, кроме блаженной темноты, где густой яростью прорастали и шевелились под ревнивыми ветрами дурманные травы подозрений и я не узнал, насколько далеко зашел он в своей ласке.

Сознание вернулось ко мне от прикосновения Ирины, стиравшей холодный пот с моего лба. Ткань ее топа выглядела помятой, но в полутьме и после целого дня, проведенного ею в торопливых заботах, сложно было утверждать причину того.

– Что у тебя с этим мужчиной? – таким мог быть голос пленного солдата, отказывающегося предавать соратников.

– С кем? – она отпрянула, вытирая мокрые от моего пота пальцы о юбку.

– С этим актером! – — забравшись поглубже на диван, я сотрясался от лихорадочных холодных волн.

– Ты имеешь в виду Клауса? – правый луч звезды на ее груди больше прочих потерял блесков. – Да ему же нравятся только мужчины!

– Я видел в новостях, как он обнимал тебя. – рука моя осторожно указала на телевизор, стараясь скрыть от него втягивавшее его обвинение.

– Он делает это со всеми. С девушками и мужчинами, без разницы. Могу показать тебе фотографии. – на правой стороне ее шеи я заметил красное бесформенное пятно, происхождение способное вести и от расчесанного насекомого укуса.

Отмахнувшись, я опустил взгляд, признавая себя потерпевшим поражение. Ничего не имея противопоставить ей, я мог только выжидать и надеяться.

Той ночью она была особенно упорна в попытках вернуть мне благословенную твердость. Не менее часа потратили ее высасывающие лунный свет для затмений губы, хищный язычок и удушающие груди в надежде, что некоторое возвращение сил сказалось на всем моем организме. Убедившись, что это не так, она, видя общее мое изнеможение и не надеясь на мои губы и язык, вытянула мою руку на кровати, чуть согнула мои пальцы, придерживая их своими, встала над ними на коленях, а затем медленно опустилась на них, погружая четверых тех приятелей, дрожащих от ужаса, словно девственники, посетившие публичный дом, в выплеснувшие на них липкий поток текучей похоти ребристые глубины. Бедняги, они захлебнулись в нем, потекшим до самого моего запястья, но ей были уже безразличные чужие судьбы. Она крутилась, извивалась, приподнималась и опускалась с угрожающей сломать мою руку резкой силой, вертелась в сонной темноте, подвывая так, что я ожидал узнать на следующий день из новостей о появившемся в нашем квартале диком звере, а когда оргазм воткнулся в нее копьём

травоядного варвара, запрокинула голову и завопила, даже не пытаясь скрыть своего восторга и призывая к нам всю полицию района. К счастью, на этот раз никто из соседей не обеспокоился вызвать тех соглядатаев тишины. Обретя неожиданное успокоение после единственного оргазма, что было для нее непривычно, Ирина соскользнула с моей руки, перебралась через меня, благодарным поцелуем окропив мои губы, свернулась под простыней и почти сразу же уснула. Глубоко и медленно вдыхая, чувствуя себя моряком, выжившим после схватки с акулой, я поднес слипшиеся пальцы к лицу и глубоко вдохнул возвращающий меня в безжизненные джунгли запах, по всему моему телу прораставший волосы, удлинявший зубы, превращившиеся в плотоядные клыки, сужавший зрачки глаз, принимавшихся искать вокруг норы незадачливых грызунов. Но за ароматом тем почудилось мне и нечто иное, призрак старого пятна на много раз стиранном белье, отблеск утопленника в полуночном озере, тень собачьей головы, составленная из листьев и ветра. Неуверенный в том, был ли тот сохранившийся в самых влажных сокровищницах ее влагища отголосок впитанного им семени, я снова и снова нюхал свои пальцы, доводя себя до потери дыхания, я облизнул их, ощутив не менее подозрительный солоноватый привкус, но этого недостаточно было для полноценных обвинений и мне пришлось смолчать.

Более всего прочего смущало меня единственный потребовавшийся для признания себя удовлетворенной оргазм. Воплощение безудержной похоти, в иные вечера она переживала по тысяче наслаждений и требовала большего, оставляя неизменно полноводным свое лоно, иссушить которое удавалось только по истечении нескольких часов изобретательного совокупления.

Фотографии Клауса я так и не увидел.

Не рискуя обращаться с просьбой к кому-либо из моих приятелей, узнавшим бы меня еще более смешным и ущербным, чем представлялось то мне, я позвонил на следующее утро терпеливому профессору. Для этого мне пришлось совершить немыслимый подвиг, то есть открыть дверь в кабинет. Золотистая изогнутая ручка сопротивлялась мне с упорной радостью, пружина ее оказалась превосходящей мои возможности и только когда я, едва не теряя создание, обвис на ней перезревшей змеей, она поддалась, приоткрывая проход. Ударившись плечом о ее черное дерево, я прополз на четвереньках в меньшую из комнат квартиры, почти полностью покоренную старомодным столом с обитой кожей столешницей. Прижавшись спиной к его лакированной тумбе, вытянув ноги, положив на пол обессиленные руки, я напоминал себе солдата, выжившего после опустошительной битвы, контуженного, потерявшегося и пытающегося понять, кто одержал в ней верх и в какой стороне находятся теперь его враги. Осознав, что они окружили меня, я выгнул левую руку, нащупал тонкий черный провод и дернул его, сталкивая со стола телефонный аппарат в суицидальном веревочном рывке. Неудачно упав, он ударился о пол углом черного массивного корпуса, оставив в доске белесую выбоину, добавляя еще одну ко множеству подобных ей, причины возникновения которых избегали моей памяти. Дельфиним мерцая блеском, трубка соскочила со стальных рычагов как проститутка с завершившего оплаченное время члена, ударилась о мою ногу и легла возле нее, издавая предсмертный визг. Согнувшись, подцепив кончиками пальцев пружинные кольца провода, я подтянул трубку к себе, обнаружив тяжесть ее чрезмерной. Решив отложить внимание к ней, я снова потянул тот же провод, на сей раз приближая корпус с золотистым диском, распустившим по себе выгравированных на нем бактерий и вирусов, в круглых прорезах позволивший поблескивать красным непрочным цифрам.

Сам телефон являл собой громоздкое чудовище, приподнявшееся на шести крошечных драконьих ножках, воздевшее рычаги ветвистыми острыми рогами, неизменно пребывавшее в состоянии возбужденном и неистовом, как будто брачный сезон его продолжался круглогодично, злобно подпрыгивавшее, когда редкий звонок сотрясал его и державшееся мной на самом краю стола, дальше всех прочих предметов на нем, включая ножи для разрезания

бумаг и футляра с опасной бритвой. Чем большим было его удаление от меня, тем в большей безопасности я себя чувствовал. Все предметы здесь были моими врагами. По большей части их купила Ирина, они были покорны и преданы ей, они скрыли бы любой ее проступок, любое предательство, они с радостью набросились бы на меня, если бы только почувствовали позволение с ее стороны. Телефон с восторгом задушил бы меня проводом, маникюрные принадлежности загрызли, кресла пожрали живьем, книги растерли бы по страницам мой пепел, пряча его между опечаток и типографских ошибок.

И все же у меня не было выбора. Палец мой ткнулся в бесчувственное отверстие над одной из цифр, при помощи второй руки повернул открывающий ворота перед варварами диск. Повторив это деяние восемь раз, я подобрал гладкую рыбину трубки, усилием обеих рук закинул ее на плечо, наклонил голову, прижимая холодный пластик к уху.

Выслушав мою просьбу, Гиррон некоторое время не отвечал, смутившись, раздумывая или перебирая варианты, отсчитываемые пробивавшимися сквозь решетку телефона щелчками.

– Мне кажется, я знаю кое-кого, кто может помочь вам. – некоторое сомнение в его словах не смутило меня и я воспылил надеждой дезертира, намеревающегося скрываться в лесах до тех пор, пока его страну полностью не захватят оккупанты. Попросив меня не бросать трубку, профессор совершил звонок по другому телефону, одному из трех белых аппаратов, чувствовавших себя львами в прериях его стола. Треск набираемого номера был хорошо слышен мне, но сам разговор донесся до моего слуха лишь невнятным бормотанием, вынудившим меня в волнении за его результат приблизился к границам забвения. Лишь убедив себя, что, лишившись чувств, я избавлюсь и от возможности выяснить оправданность или глупость своих подозрений, мне удалось избежать зловещей темноты. Закрыв глаза, прислонившись затылком к прохладному дереву, я медленно и размеренно дышал, ожидая возвращения доктора, как, затаившись под виселицей, ожидает алхимика мандрагора.

– Я обо всем договорился. – веселая небрежность профессора убедила мен в любопытстве его к завершению всего предприятия. Уверив в непременно сообщении ему результата, я запомнил продиктованные им цифры с такой старательностью, что еще много дней после этого они время от времени всплывали из моих воспоминаний подобно навязчивому мотиву или видению любовницы во время соития с женой.

Совершив второй звонок, я представился напряженному и тихому мужскому голосу посланником профессора. После нескольких минут переговоров, мы пришли к наилучшему из возможных решений, согласно которому он должен был появиться в моей квартире на следующий день. Гость обещал появиться в десять. Паломничество ко входной двери я начал чуть позже восьми, сразу же, как только Ирина ушла, убедив меня в неизменности ранее озвученных ее планов и радуя мой взор избавленными от белья ягодицами под облегающими белыми брючками.

Несколько раз мне приходилось останавливаться, садиться на пол, привалившись к стене. Особенно долго я прятался в углу между ней и комодом, где просидел бы, вероятнее всего, до возвращения жены, если бы не гневная тоска, переживающая обо всем творимом в мире разрушении. Еще несколько шагов мне удалось проползти на порожденном ею импульсе, но, когда до дверь уже была в достижимости для моей вытянутой руки, силы окончательно покинули меня. В этот момент брызгнул звонком телефон, повторил свой клич, издал его в третий раз и тут же включился, щелкнув, автоответчик над моей головой и позади меня, насмехаясь надо мной с медовой скалы комода.

– Дорогой, сегодня я задержусь и буду очень поздно. Прости, очень много работы. – завершив послание звуком преувеличенно скользкого поцелуя, она смолкла.

Застонав, я приподнялся и двумя рывками дополз до входной двери, ударившись о нее головой, но обрадовавшись тому, словно отравитель, наблюдающий за тем, как начинает бледнеть лицо жертвы.

Сжавшись, опираясь плечом на дверь, я пребывал оставшееся время в дрожащей полудреме, предпочитавшей зеленые тона ядовитых цветов, приютивших меж узорчатых пятнистых лепестков паразитирующих друг на друге черных насекомых, пребывающих в вязком круговороте того, что могло показаться совокуплением, но было в действительности лишь убийственным обменом яйцами.

Где-то в нестерпимой высоте надо мной треснула небесная прочность, расходясь незримыми трещинами и они, потянувшись от пробитого клювом великой птицы пустоты отверстия, со все возрастающим шумом низвергались ко мне, намереваясь пройти сквозь меня, причинив моему телу гибельные разрушения. В ответ на тот жестокий призыв, я открыл глаза, часто, тяжело и нерешительно моргая, вывернул руку, вцепляясь в мягкую обивку двери отросшими за три недели когтями и, помогая усилию ног ее напряжением, поднялся на них, дрожащих и готовых подломиться, второй рукой, сжимавшей смятые листки, пытаюсь выдернуть из стены золотистую занозу замковой собачки. При первой попытке палец мой соскользнул, оцарапавшись. Вторая не смогла сдвинуть ребристого зверя. Третья промахнулась мимо него. Четвертая, к моему удивлению, обрела его покорность.

За дверью стоял палочник.

Темно-серое пальто растерянно обвисло на нем, как будто находилось на магазинной вешалке в обществе ярких и дорогих курток и не надеялось стать приобретением. Подобранная в тон шляпа скрывала тускло мерцающие под ней фасеточные глаза. Пошевелив выдаваемыми за руки лапками, он поднял их, отчего забавно заколыхались пустые рукава. В правой зеленовато-серой зазубренной клешне он держал плоский корпус из черного пластика с короткими проводами обвисшими, как мой член. Проворчав нечто неразборчиво-требовательное, пощелкивая золотисто-черными жвалами, он тряхнул клешней, зависшей над порогом. Приняв в правую руку то странное устройство, я, в свою очередь, передал ему смявшиеся фотографии, изображавшие мою жену в самых разных ракурсах, положениях, одеждах, белье и даже без них на одном снимке, сделанном когда-то с моего позволения для участия в некоем позабытом теперь конкурсе. Черно-белый вариант того изображения долгое время висел в кабинете, пока я не счел слишком вульгарным во время работы возбуждаться на собственную жену.

Ломко выгнув конечность, сопровождая то потрескиванием и дергаными движениями головы, палочник отправил глянцевую бумагу во внутренний карман пальто, смяв ее при этом еще больше.

Протрещав расколотое длиннозвучие на прощание, палочник развернулся и, пошатываясь, не столько ступая по ступеням, сколько переваливаясь и прыгая с них, отправился к пространствам пахнущей табачной скверной преисподней, к этим подземелиям страдания и хаоса, где тошнотворные испарения поднимались призрачными лабиринтами из мятых жестяных банок, отчаянно пытающихся сохранить безжалостно выцветающие на оборванных этикетках антропоморфных овощных чудовищ, улыбчивых и жизнерадостных. Удерживая приоткрытую дверь, я наблюдал за низвергающимся палочником, широко раскрывшимися ноздрями вдыхая неожиданно приятный, прохладный, немного затхлый воздух лестничной площадки, собравший в себе ароматы множества таинственных явств, изготавливаемых на всех пяти этажах, скомкавший их в прогорклую, жирную мерзость, показавшуюся мне нестерпимо аппетитной и сдавившей судорожным голодом мышцы живота. Кривобокие плитки пола, потрескавшиеся, в прорехи между собой согнавшие окурки и мусор, смеялись надо мной беззубыми пятнами. Согнувшись, я отполз назад, прикрывая за собой дверь. Втолкнуть обратно собачку оказалось для меня совершенно непосильным, посему мне пришлось сперва толкнуть дверь ногой, открывая ее пошире, а затем, отступая и отклоняясь назад, потя-

нуть ее всем своим телом. Вяло покачнувшись, она загрохотала о свою раму победным гонгом естества, сопровождая то вожделенным, успокаивающим щелчком, сохранявшим меня в безопасности моего удушливого бункера.

Слюна затопила мой рот пресноводным страхом. Впервые за многие дни я почувствовал не просто необходимость в пище, но желание ко всему, представляющемуся ею, вожделение к самой идее насыщения, сладострастие в его газообразующей ипостаси, неприличие бурлящих звуков, все оттенки знаменующего наслаждение испражнения. Осев на пол, цепляясь пальцами вытянутой руки за ручку, я бросил взгляд на дальний конец коридора, за левым поворотом которого, чуть менее чем в тысяче умерщвлений плоти, пребывали полнотелые сокровища кухни.

Облизнувшись, я отпустил золотистую сталь и упал на четвереньки. Серебристым миражом маячило передо мной видение величественной громады холодильника, этого серокожего чудовища, нутро чье в многообразии чудес его пригодно было для изготовления желтоликих сыров и непристойно набухших колбас, а кровь, в различии венозном и артериальном, плазменном и гнилопенном, смогла бы заполнить бутылки с напитками, распираемыми воинственным газоразрядным напряжением, немые сосуды вяжущих, отупляющих сладостью соков, прозрачные вместилища уверовавших в свои целебные свойства минеральных вод, стальные яркие темницы пенистых увеселений. Где-то по соседству с ними дожидались раскалывающего аборта нежностенные яйца, разъедали стенки пластиковых изгибов столь любимые моей женой экзотические соусы, могли даже притаиться шоколадные конфеты в красочных обертках с животными и ягодами на них, если конечно, все их горчавое безумие не исчезло уже за маленькими губками моей жены, способной пожирать их в немыслимых количествах, увеличивая варварскую ее похоть.

Сжимая в левой руке коробку с неведомым устройством, ударяя ею о пол с усердием отсчитывающего ступени на плаху висельника, я пополз в сторону кухни. Путь этот я мог преодолевать теперь целую вечность, не имея необходимости торопиться. Несколько раз я останавливался, прижимаясь затылком к охлаждающей стене, закрыв глаза и тяжело дыша открытым ртом, впиваясь ненасытным взглядом в видения гастрономических чудес.

Перебравшись через угол, я позволил себе короткую остановку без необходимости. Здесь я обнаружил на полу извивающийся кишечным червем волос моей жены, подобрал его с липкого дерева и намотал на палец, превращая волнистое золото в обручальное кольцо.

Оставив мешавшее мне устройство на полу, я отправился дальше, в близости цели обретая восторг и уверенность в достижении ее.

Вознося надо мной величественную темную громаду восхитительной мерзости, холодильник соблазнительно мерцал искорками в блестящем покрове его, полускрытый мгlistым туманом неприступный горный пик, манящий отчаянных альпинистов, погубивший уже многие тысячи их, складывающий их с аккуратностью собирающего непристойные рисунки лекционера.

Сев на колени, положив на пол руки, я изучал его, сощутив глаза и замедля дыхание, пытаясь понять, как лучше мне совершить мое самоубийственное восхождение, мой искупительный штурм. Благодаря окну кухни волнующая дымка не так сильно мешала здесь взору и было немного светлее, насколько позволяли темные шторы, боявшиеся стиральной машины и позволившие среди желтоватых изгибов своих прорасти жесткосердным орхидеям, зародиться настороженным гекконам.

Лишившись снаряжения и всех товарищей, я в одиночестве предстал перед неприступным пиком. Понимая, что мне следовало отступить, я не мог все же совершить того, ведь означало бы оно предательство последних остатков вожделения, сохранившиеся в иссыхающих лакунах моего тела. Дрожащие, скрючившиеся правые пальцы мои коснулись мертвящего ледника, медленно поползли по нему, минуя уродовавшие гладкую его нежность магнитные

наросты. С трудом удалось им миновать клыки вздыбившегося черного волка, ничуть не заинтересовали их дворцы и купола из слоновой кости, не смогли помочь разрывающие аквалангиста касатки, занесенные в эти высоты взбалмошным смерчем, лишь мгновенное улыбочное отдохновение принесли высокие краснотелые цветы. Высунув длинные языки, намекая на увлекательные удовольствия, смеялись над страданиями восходящего орхидеи. Ящерицы же наблюдали с любопытством неудачников и, скорее всего, делали ставки, уверенные в моем очередном поражении. Ухватившись за впадину на верхней грани нижней дверцы левой рукой, я подтянулся, обеими ладонями оперся на холодильник и, уподобившись геккону, прилепляясь к искристой гладкой поверхности, гулко шлепая по ней, взобрался, поднимая себя, на полную высоту своего роста. Отросшими за последние недели ногтями подцепив верхнюю дверцу, я потянул ее на себя и она поддалась с неожиданной легкостью, лишь мягкий издав всхлип белой присоски и едва не ударив меня по голове. Увернувшись, я понял, что окажись нападение удачным, следующие несколько часов я провел бы без сознания на полу, если бы не закончилось то падение очередной травмой или сотрясением мозга. Все в этой квартире, даже купленные на мои деньги вещи, восставало против меня и я не видел в том ничего удивительного. Состояние мое убеждало их в слабости того, кто долгие годы был их вожаком и стая проверяла меня, намереваясь найти себе нового лидера и видя единственным претендентом на то место Ирину.

И вот тайные кладовые открылись передо мной.

Запустение объяло их. От прежнего великолепия, помнившегося мне, осталась только тарелка с бутербродами, свесившая с засохшего хлеба успевшие затвердеть уголки тонких ломтиков ярко-желтого сыра, опустошенная на две трети бутылка с газированным напитком, славившимся содержанием в себе количества кофеина, убивающего столполюба да нераскрытая упаковка сарделек с одурманено – радостной, подмигивающей левым глазом свиньей на этикетке. Сглатывая слюну, я обеими руками вцепился в один из бутербродов, потащил его к себе, едва не уронив тарелку, разорвал его заострившимися для того зубами, торопливо пережевывал и проглотил, ощущая, как с горделивой медлительностью самоубийцы пища пробирается по моему пищеводу, горячей нежностью обволакивая желудок. Ноги мои задрожали, на глазах появились слезы и если не бы не противоречащие тому обстоятельства, я признал бы себя находящимся в предчувствии оргазма. Затолкав в рот остатки бутерброда, я ударил успевшую пискнуть дверцу с такой силой, что холодильник содрогнулся, а магнитные касатки опустились чуть ниже к слонам, поднявшимся на задние лапы перед той веселой утрозой.

Впервые за долгое время я чувствовал, что могу стоять ровно, не боясь упасть. Мне по-прежнему требовалось держаться за что-либо, но я мог идти на выпрямленных ногах, переступая пусть и мелкими, но точными шажками. Воодушевленный тем, я менее чем через минуту достиг разветвления коридора, где осторожно присел, стараясь сделать то движение как можно более плавным, глядя перед собой, избегая и малейшего смещения головы. Нашупав рукой оставленное мной на полу, я сжал его в пальцах, еще более неторопливо поднялся, заполучив все же темнокостное головокружение, прислонился к стене и направился в залу, радуясь своей новой силе как ребенок – игрушечному мечу, надежному оружию против скрывающихся в темноте чудовищ. Вдавившись в угол дивана, положив правую руку на его вызывающе упругий валик, я смог, наконец, рассмотреть преподнесенное мне.

Изготовленное из черного тусклого пластика, напоминающего на ощупь сброшенную змеиную кожу, устройство имело на одной стороне выцветшую до розовато-оранжевого состояния кнопку с белыми точками под ней, оставшимися от обозначавшей включение надписи, овальный жидкокристаллический экран и несколько квадратных серых кнопок под ним. После нажатия на потерявшую яркость округлость, экран проявил в своей ртутной амальгаме множество непонятных мне символов и многосоставных букв и цифр, но все они тут же вымерли, сменившись мигающим символом вонзающегося в плоскость трезубца, растаявшим после нескольких появлений.

Один из проводов завершался разъемом, никогда ранее не встречавшимся мне, треугольным, с четырьмя в нем плоскими контактами. Другой же, наградивший окончание свое стальным шестигранником, имел единственное назначение.

Собравшись с духом, я сполз с дивана, пробрался по цепляющемуся за колени ковру, нащупал на нижней панели телевизора круглую крышечку, выдернул ее ногтями, воткнул в нее устройство, положив его затем на черное дерево. Повторное включение отозвалось более осмысленным поведением черных знаков, окруживших цифру восемьсот двадцать три в порядке, не предусматривавшем ничего иного, кроме неторопливого насилия. Отозвался на то и телевизор, вспыхнув уведомлением о поступлении сигнала, переключившимся на него, но не показавшим на экране ничего, кроме изредка прерываемой приступами полосатых помех темноты.

Вернувшись к дивану, взобравшись на него как делает то не умеющий толком ходить ребенок, при помощи всех конечностей и едва не хватаясь зубами за увлажненную моим потом кожу, я долгое время сидел, изучая промежутки между теми реликтовыми припадками, находя их неравными и непредсказуемыми и обретая в понимании того удивительное умиротворение.

Сдавившая лоб полудрема прервалась от пульсирующего визга. Привлекавшее мое внимание устройство стихло тотчас, как экран, позволив себе на несколько мгновений полностью погрязнуть в черепичных черно-белых помехах, затопило изображение городской улицы, немного нечеткое, слишком подвижное, неаккуратное и невнимательное, не желающее притворяться телевизионным сигналом или снятым заранее фильмом. Камера, должно быть, находилась в руках у палочника. В том, что именно он снимал происходящее, убеждал доносившийся время от времени скрежет сходящихся жвал и недовольный треск, издаваемый им и выглядевший комментариями о том, свидетелем чему он становился.

То была одна из улиц в центре города, втиснувшая между трехэтажными домами проезжую часть, рассчитанную на двух всадников и с величайшим усилием проталкивающую сквозь себя автомобили или толпы считающих ее променадом вечерних празднолюбцев. Витрины магазинов, предлагающих товары роскошные и пригодные только для увеселения и утоления гордыни, истекали отражениями неоновых вывесок, кафе и рестораны почти ничем и не пытались отличаться, уверенные, что каждому из них найдется посетитель. Шумные, говорливые, головокружительно радостные прохожие выглядели для меня совершеннейшим хаосом движущихся силуэтов, разноцветных, расплывчатых, слишком быстрых для камеры, не успевавшей схватиться за них. Едва успев сосредоточиться на одном из них, я терял его из виду и вынужден был изучать другого, что в моем состоянии представляло собой задачу весьма затруднительную и вскоре я забыл о ней, сосредоточившись на перемещении самого палочника и на предстоящем перед глазами его. Шаги его, целеустремленные и приличествующие неспешной прогулке, привели к одному из маленьких ресторанчиков, открываемых обычно прославившимися во второсортных сериалах актерами в наивном стремлении обеспечить себе доход и после того, как популярность их превратится в лунную пыль.

Открыв овальную стеклянную дверь с синими в ней гориллами, палочник вошел в зал, уставленный зелеными столами из мушиного стекла и диванами, поднимавшими спинки так высоко, что невозможно было рассмотреть сидящих за ними. Пройдя почти через все помещение, мой агент выбрал место у стены, под черно-белой фотографией одного из президентов прошлого, приветственно машущего семипалой шерстистой лапой, ловко подхватил клешнями меню и, когда официантка в черном платье возникла около него, уверенно ткнул в его невидимую для меня страницу. Равнодушно кивнув, обрита налысо девушка исчезла и, ожидая ее возвращения, палочник смотрел перед собой, постукивая клешнями о стол, оставляя на нем зазубринки, не переставая издавать переливчатый, постоянно меняющий тональность треск, перемежаемый свистящим скрежетом. Будь он человеком, я заподозрил бы в нем сумасшедшего, ведущего нескончаемый диалог с самим собой, с воображаемыми существами или

неумолчными галлюцинациями. В том, что касается палочников, подобное поведение в равной мере могло быть нормой, указывать заболевание или служить особенностью какой-либо касты или разновидности того племени. Мне никогда не доставало любопытства прочесть что-либо о них, да и теперь он больше раздражал меня производимым шумом, чем вызывал интерес.

На тарелке, поставленной перед ним ловкой официанткой, лежало нечто, само по себе напоминавшее небольшого жука, исходящее тяжелым, нехотя рассеивающимся паром, коричневое, блестящее, окруженное листьями салата и ветвями укропа. Довольно затрепав, палочник совершил некое движение, отчего камера затрепыхалась и я предположил, что он кивал или производил иные жесты, отмечающие его удовлетворение блюдом. Схватив в клешню принесенный ему стальной прибор, имеющий предназначенные для нее лакуны в рукояти, он ткнул под панцирь с правой стороны, приподнимая его, позволяя вытечь темной, с желтыми прожилками, жидкости, в левую клешню поместил аппарат более хитроумный, сочетающий в себе клещи, зазубренные лезвия, резиновую грушу и придавленную к радужно поблескивающей стали толстую, твердую, нехотя гнущуюся прозрачную трубку. Воткнув ее в горячие внутренности, он что-то сдавил, повернул, потянул, красная резиновая груша засопела сонным младенцем, а по трубке потекла густая темная жижа с кусками в ней растворяющейся плоти.

Не прекращая своего удивительного пира, он повернул голову, будучи всего лишь довольным посетителем, желающим осмотреть зал, получить удовольствие от фотографий и картин на его стенах и я увидел то, что предлагалось вкушать только мне.

За столиком возле окна сидела моя жена и незнакомый мне мужчина. Доведись мне встретиться с ним, я непременно запомнил бы его, ведь до этого за всю свою жизнь я только трижды встречал двухголовых.

Костюм его, вне всякого сомнения, был пошит в ателье одного из медвежьих червей. Убеждала в этом и ткань, шелковистым рубином распутствовавшая в электрической неге и покроя, стиснувший объемную талию, но не желавший увеличивать неожиданно узкие для двухголового плечи.

Головы различались больше, чем было то прилично. Правая, дальняя от палочника и от меня, окрасила волосы в цвет, почти такой же, как у моей жены, а левая сохранила их рыжими, выбрив виски, но оставив длинные пряди на затылке.

Под белой прозрачной блузой с высоким воротом, не имевшей ни застёжек, ни рукавов, груди моей жены проступали с обнажающей ясностью, а черные брюки с золотистой полоской лампасов никогда ранее не встречались мне среди ее одежды. Содержимое блюда перед ней оставалось невидимым, да и было уже почти полностью поглощено ею. Бокал, высотой в два ее влагилица и имеющий схожую форму, на треть сохранил в себе красноватый напиток, белесой пеной стекавший по темному стеклу внутрь от узкого, приплюснутого верха. Судя по неуверенной улыбке моей жены, резким движениям ее рук и сощурившимся в пытливой настороженности глазам, напиток содержал немало алкоголя и едва ли тот бокал был первым, выпитым ею за вечер. Мужчина же наоборот, производил впечатление совершенно трезвого, несмотря на то, что в сапфировой жидкости его граненого бокала можно было предположить нечто несокрушимо гневное. Возможно, наличие у него двух голов, обозначало собой и присутствие удвоенного количества иных органов или же наличие тех, какими обычно не располагает человеческое тело, позволявших ему сопротивляться воздействию алкоголя и успешно вершить свое опьяняющее соблазнение.

В зале играла музыка, шахтерские марши, синтетическое сочетание ритмов и подвываний, издаваемое подземными обитателями, ставшими симбиотическими внутренними органами и я не мог расслышать разговора моей жены и ее спутника. Мешал тому и стук стальных обеденных приборов, издаваемый палочником, направившим, должно быть, камеру в сторону наблюдаемых, и создававшим вид наслаждающегося блюдом посетителя.

Светловолосая голова сказала моей жене нечто, вызвавшее усмешку у второй. Смущенно улыбнувшись, Ирина кивнула и сместилась влево по огибавшему столику дивану, оказавшись по правую руку от мужчины.

Протянув к ней руки, что она сопровождала сперва недоумением, а затем покорным пониманием, он подцепил край ее блузы и потянул наверх податливую, невесомую, дымчатую ткань, так плотно облегающую груди Ирины, что потребовалось некоторое усилие, чтобы, подобно тому, как распалющееся само себя воспоминаниями о ласках аккреционного диска солнце сдирает утренний туман с ведьминых холмов, поднять ее над ними, стянуть с упругих укреплений плоти, этих крепостей вожделения, умело выдерживающих штурм за штурмом, не сдающихся перед самым могущественным противником, не знающих страха, гордо предстающих перед ним во всей своей несокрушимой полноте, краснеющих от разрывающего штурма и все же сохраняющих невозмутимую бледность уже через несколько минут после того. Край ткани нехотя переполз через растянувшую его плоть, зацепился за соски, потянул их, перепрыгнул через них, освобождая достаточно наготы для любых последствий.

Наклонившись, мужчина ткнулся губами в оба ее соска одновременно, отчего она, восторженно вздохнув, вскинула голову, заострив приподнявшийся подбородок. Среди всех наших интимных переживаний и всего открытого мне, равного она не испытывала, если только впервые мужчина тот совершал свое двуязыкое вторжение.

Количество способов, пригодных для причинения Ирине оргазма превосходило число перьев на хвосте птицы – вуайериста, а ведь древние считали число их раным одновременно происходящим во всем мире совокуплениям. Очень скоро после начала нашей совместной жизни я уверился во множестве неких удивительных смещений, взрывных мутаций, упоительных аномалий, подаривших телу ее особенность, соединившую каждый участок его или с клитором или напрямую с отвечающими за наслаждение областями головного мозга. Посредством множества экспериментов я выяснил, что не существовало такого места, легкий укус в которое был бы ей неприятен, а повторяясь во множестве, не приводил бы к достижению оргазма. Точно также и член, помещенный даже неподвижным не несколько минут в любую из трех лакун наслаждения, дарил оное не только мне, но и самой девушке, делая ее разъяряющее приятным и, отчасти, удивительным явлением. По истечении нескольких лет она была доведена мной до состояния, позволяющего одарить ее оргазмом при помощи особого, требовательного, настороженного, втянувшего в себя напряженную пустоту взгляда. Прикосновение к ее соскам, в особенности же ласкающие их губы, имели минуту, а иногда и меньше, чтобы увернуться от вырывающих из них горячую твердость содроганий.

Неизвестно, знал ли мужчина о той ее особенности, но прошло намного меньше времени, прежде чем Ирина опустила голову и, глядя прямо перед собой, почти задевая палочника взглядом сощуренных предзакатных глаза, обещающих сладость вечной ночи, приоткрыла губы, обжигаяще яркие по случаю свидания и затряслась, черными острыми ногтями сиюсь разорвать драгоценный шелк на плечах двухголового.

Отстранившись от нее, облизываясь и улыбаясь, стирая с губ слюну тыльной стороной ладони, причем правая голова воспользовалась для того левой рукой и наоборот, мужчина восхищенно бормотал неразборчивую лесть. Ирина же, бросив на него исподлобья кокетливо-ироничный взгляд, вернулась к своей тарелке, уперлась в нее вилок, сделала долгий глоток из бокала, почти опустошив его. Еще несколько слов от левой головы, подтверждающее замечание правой и мужчина поднялся, выбираясь в проход между столами, а моя жена, поспешно допив свой напиток, последовала за ним, изящно изогнутыми пальцами принимая его навязчивую помощь. Счет, очевидно, был оплачен им заранее и с немалыми чаевыми, если судить по раболепию официантки, помахавшей ему вслед с нежностью, достойной уходящего на войну любовника или брата.

Камера поменяла направление, расплывчато – квадратно метнулась, остановившись на тарелке перед палочником, где осталось лишь немного панциря и совсем чуть-чуть густой непоседливой жижи. Осколок побледневшего от электрического света хитина формой напоминал очертания того сверхконтинента, в который все прочие сольются, если верить расчетам ученым, незадолго до того, как скорострельное светило пожрет планету, по недоразумению принявшую нас всех.

Швырнув на стол несколько высокопоставленных, смятых, потертых, выцветших, потрепанных, изрезанных банкнот, палочник, не прекращая своего затейливого треска, поднялся и последовал за моей женой.

Выйдя на улицу, он сперва посмотрел налево. Не обнаружив там Ирины, обратил взгляд в другую сторону и увидел мою жену, вслушивающуюся в слова левой головы. Рука мужчины лежала на ее талии с непринужденной уверенностью давнего любовника. Палочник двинулся вслед за ними. Прошептав новую неслышимость моей жене, левая голова полуобернулась, заметила преследователя, дернулась, шепнула пару слов правой, отчего той пришлось уделить мгновение взора палочнику. Несколько шагов после этого они шли в спокойном дурмане теплого вечера, а затем мужчина, резко развернувшись, издал воинственный крик обеими своими ртами, отталкивая мою жену за свою спину, а пистолет, очернивший его левую руку, выволоч на суд уличных соглядатаев несколько второсторних, слишком торопливых, слишком беспечных выстрелов.

Затрещав громче и пронзительнее, палочник упал. На экране остались только две пальмы, колышимые скорее похотью неоновых червей, чем суетливыми ветрами, да груда дешевых тусклых звезд в легковесном прибрежном небе, пригоршнями выдаваемых на сдачу за одну луну.

Связь прервалась. Несколько секунд на экране бесчинствовали взбалмошные помехи, но затем и они сменились темнотой и уведомлением об отсутствии сигнала. Я счел увиденного достаточным и даже немалая сумма, которая будет вписана профессором в качестве оплаты за дополнительные медицинские услуги, показалась мне вполне уместной.

Ирина появилась дома через четыре часа. Времени того было достаточно, чтобы двухголовый успел вдвойне насладиться ею. Не следовало исключать происшествие с палочником совершенно изменившим настроение его, после чего девушка могла уже не возбуждать его, как недавно в ресторане, но равно не нужно было забывать и о способности подобного инцидента усиливать вожделение. После случившегося он мог отвезти ее в отель или в свою обитель и совокупляться с ней все это время или заставить ее ублажать его мужскую плоть, имевшую высокую вероятность быть также двухголовой.

Губы ее избавились от помады, на левой груди проступало хорошо различимое красное пятно чуть левее и выше соска, позаимствовавшее очертания у острова мангроведов.

Сбросив туфли, рухнувшие на пол подобно отстрелянным гильзам артиллерийских снарядов, она дошла до двери в залу, бросила взгляд внутрь, заметила меня, устало улыбнулась, приветственно помахала пальцами и направилась в ванную, где провела следующие полчаса. В ту ночь она не предприняла попытки возбудить меня, сославшись на усталость. От нее пахло едкими острыми пряностями и сладким алкоголем. Она была немного пьяна, но далека от облегчающего соблазна состояния, а я предпочел не задавать пока никаких вопросов. Не имея никаких доказательств ее измены, я вновь оказался бы в унижающей себя ситуации. Прикосновение к ее груди, оставленный на ее сосках поцелуй мужских губ возмущали меня намного меньше, чем полученный ею от того оргазм. Даже если бы она совокупилась с ним, но не получила от того удовольствия, я не счел бы это изменой, тогда как достижение удовольствия с другим мужчиной несомненно означало бы гибельный проступок, непозволительный, недопустимый, преступный. До нашего знакомства, Ирина извела ласки многих мужчин, оставшись при этом девственницей. Сотни рук касались ее грудей, десятки губ пытались

выдавить из ее сосков чудотворное масло и рассказы о том только возбуждали меня, доказывая мое неиссякаемое превосходство над всеми теми злокозненными самцами, так и не добившимися ничего большего. Прилежная, властная, несговорчивая радость оргазма значила для меня намного больше, чем факт уступчивого обладания, бессмысленного самого по себе, в отличие от наслаждения. Безмолвие обладания глупо сравнивать с громогласным хаосом оргазма, проявляющим пространства безбрежные, неукротимые, не подлежащие картографированию, слишком подвижные в лавовом гневе, неистовые и только и способные породить жизнь. Пустая и неподвижная власть, горестной скульптурой замершая посреди пустыни владения, ничего не способна ни произвести, ни изменить.

Лежа рядом с женой на нашей кровати, позволявшей мне вытянуться и поперек нее, скинув простынь и глядя на зыбкую белизну потолка, я рассеянно гладил свой член, не надеясь пробудить его и скорее успокаивая мягкую плоть, как делают то с умственно отсталым ребенком, в очередной раз претерпевшим издевательства от детей подобающе смысленных. Пребывая в ласковых сумерках, наблюдая за течениями благовонных разноцветных дымов, исходящих от расставленных по полкам кошачьих фигурок, держащих в лапах пригодные для свечей чаши, я думал о двухголовом. Найти его не составило бы труда. Во всем городе едва ли набралась и сотня тех, у кого было больше одной головы. Если способности палочника и агентства, на которое он работал, позволили обнаружить Ирину по одной только фотографии и предоставленным мной общим сведениям, то столь приметное существо, тем более известное им и стрелявшее в их сотрудника, было бы найдено ими еще быстрее. Дальнейшее подразумевалось мстительным и ломким, но я не видел в нем справедливости и потому рассматривал его лишь в качестве одного из возможных вариантов, пребывающего в конце списка. Гибель палочника от увиденного мной выстрела представлялась мне почти невозможной. Упал он, как был уверен я, от удара, произведенного пулей или шипом, прорвавшей его пальто или же симулировал попадание, избегая тем самым дальнейшей расправы. Стоимость его одежды, составлявшую меньше, чем завтрак в дешевом кафе, я мог с легкостью возместить, если бы то потребовалось. Иного физического вреда никому нанесено не было. Не мог я осуждать и мою жену, имевшую потребность в соитии большую, чем в еде. Она могла провести целый день без пищи, если был он употреблен для совокупления. В иных обстоятельствах, во времена, предшествовавшие оскопительной катастрофе, я был бы полон губительной ненависти и использовал бы все свои знакомства, деньги и силы, совершая месть предполагаемому любовнику. Теперь же, когда она никак не могла получить удовлетворение от меня, обвинять ее в потребностях к наслаждению, было бы глупо с моей стороны. Раздумывая о том, не следует ли нам разойтись, я понял, что не решусь предложить ей это, уверенный в ее немедленном согласии. Именно источник наслаждения прежде всего видели мы друг в друге. Моя способность сохранять твердость плоти на протяжении многих часов, многократно извергая при этом возлюбленное ее влагищем семя и удерживала нас вместе так долго, несмотря на размолвки, скандалы и всевозможные неприятные происшествия. Только возвращение той моей особенности могло навсегда прекратить похождения моей жены и ее близкое общение с другими мужчинами.

За завтраком на следующее утро, состоявшим из пытавшихся свернуться в раковинную твердость пластинок сыра на подгоревших тостах, я осведомился у нее, как прошел вчерашний вечер.

– У меня была очень тяжелая встреча. – ухмыльнувшись, я порадовался отсутствию лжи, ведь мужчина тот явно весил больше меня.

– Все закончилось успешно? – в этом мне также не приходилось сомневаться.

– Более чем. – опустив взгляд, она впила маленькими зубками в неподатливый черствый сыр.

Рассматривая ее, сидевшую напротив меня за узким кухонным столиком, позволившую тонкому серому джемперу соскользнуть с правого покатого плеча, я ощутил знобящее желание,

опознаваемое как вожделение, но не производящее обычного и достойного эффекта. Нечто должно было быть содеяно с этой женщиной и немедленно, она требовала, взывала к любому направленному по отношению к ней действию, непременно насильственному, отягчающее – плотскому, причиняющему страдания и слезы. За невозможностью совокупиться с ней, не беспокоясь о ее желаниях и ощущениях, мне оставалось только ударить ее и левая моя рука, вспомнив свои главенствующие привычки, стала уже сжиматься в кулак, когда взгляд мой напомнил ей о недостатке сил даже для пощечины. Путь на кухню потребовал от меня немалого времени и жене пришлось поддержать меня, когда, оттолкнувшись, перемахнул я от стены на шаткий скрипучий стул. Ни о каком насилии не приходилось и думать. Поразмыслив о том, не следует ли мне хотя бы плюнуть в нее, я счел это неспособным продемонстрировать мое презрение к ней и уменьшить сотрясающее мои руки раздражение. Вернув недоеденный бутерброд на тарелку с синими кошками, кусающими друг друга за хвосты вдоль всего ее края, я прикоснулся кончиками пальцев к ручке чашки, неуверенный, следует ли мне пить кофе. В прошлый раз после пары глотков сердцебиение мое ускорилося до угрожающего инфарктом мельтешения.

Калейдоскопический узор на черной чашке менялся вместе с температурой. В движении его многоугольных элементов, яркостью своей выжигающих взор, чудилась мне головокружительная насмешка самой вселенной над моими состоянием и положением.

Вдыхая раздражающий, чуть более горький, чем мне хотелось, аромат кофе, я чувствовал в себе намного больше силы по сравнению со вчерашним утром и причиной того никак не мог быть съеденный мной бутерброд или совершенная намеренно экспедиция за подобием его. Новые ощущения позволяли мне надеяться на то, ублажение моей жены в ближайшее время пальцами и языком, добиваясь тем самым уменьшения ее интереса в других мужчинах. На некоторое время того должно было хватить. Вскоре потребность в мужском члене станет для нее угрожающе нестерпимой, из-за чего мужчины начнут оборачиваться ей вслед, даже если на ней будут самые скромные одежды, ноздри их будут расширяться, руки сжиматься в кулаки и они начнут оглядываться в поисках противника.

Стоило ей уйти, с обещанием не задерживаться надолго, как я перебрался на диван в зале и включил телевизор. Устройство, полученное от палочника до сих пор было подключено к нему. От неприятных расспросов меня спасло только то, что Ирина редко появлялась в этой комнате. Иногда в течении нескольких месяцев никто из нас не заходил в нее, существуя между спальней и кухней. Сам я, находясь дома, проводил немало времени в кабинете, представленном как принадлежащее исключительно мне пространство. Дверь его никогда не запиралась, не было и запрета для жены на посещение. Безо всякого стеснения хранил я в не имеющих замков ящиках стола коллекции бесчисленных фотографий, изображавших женщин и мужчин в самых различных вариациях совокупления, представавших в соблазняющих одеждах и изысканно украшенной наготе, ублажавших себя при помощи рук, предметов и устройств или же замерших в позах, служивших воплощением заключенной в тех существах непреклонной похоти. Имелось у меня и множество видеозаписей, включавших в себе все доступные человеческой плоти извращения и все они были просмотрены Ириной либо совместно со мной, либо в крикливом уединении. Между нами не существовало ни тайн, ни запретов. И то и другое я находил смешным, жалким и бессмысленным.

Вспомнив о некоторых из тех записей, признанных особо извращенными, включавшими в себя животных, уродцев и приспособления многосоставные, требующие электричества и рабочих жидкостей, я обратил к ним надежды свои. Ранее после нескольких минут просмотра плоть моя непреложной твердостью требовала немедленного совокупления и надежда на схожее действие сохранялась во мне и теперь.

Перед тем, как совершить паломничество в кабинет, мне требовалось отдохнуть и собраться с силами. Квадратный циферблат часов, вознесенный над телевизором, едва про-

глядывавшийся сквозь дымную неопределенность, вместо цифр предлагавший мне определять время по различным породам собак, показывал мне половину песчаного терьера. Выделив себе один час для подготовки к путешествию, я провел его за созерцанием документального фильма о некоей древней битве. Судя по вооружению и броне солдат, произошло то великое сражение не менее чем за пару тысячелетий до моего рождения. Разнообразие оружия и применяемых для уничтожения противника средств против воли увлекло меня. Солдаты в обугленных шлемах, повторявших клыкастые морды неизвестных мне хищников, бежали, стреляя из лазерных излучателей, механические воины падали, сраженные вторгшимися в их программы паразитарными кодами, выращенные в искусственных матках чудовища выстреливали из спин полосатые иглы, сбивая парящих над ними ракетоносных стервятников. Картины великой битвы прерывались выступлениями ученых, золотистыми узорами костюмов обозначающие принадлежность к различным университетам, значками и медалями горделиво проявлявшие свои победы в диспутах и журнальных научных спорах. Мне было немного жаль, что не могу я узнать, кто одержал верх в том столкновении и добился ли он тем самым желаемой цели, но испытывал я к тому не больший интерес, чем к весенней драке котов за окном. Поглядывая на движение черных стрелок от одной собаки к другой, я одновременно страшился установленного мной самим срока и желал его, ибо означал он завершение томительного ожидания, несущего вслед за собой пусть и мучительное, но все же движение. Нетерпеливая страсть к завершению остается моей неприятной привычкой долгие годы и я ничего не могу с ней поделать. Читая книгу, независимо от того, какой интересной или захватывающей она мне кажется, я подсчитываю, сколько еще от нее осталось страниц, во время просмотра фильма бросаю взгляд на часы, даже если зрелище приятно мне. Как только начинается одно событие, я уже стремлюсь к следующему и мне мало всех, какие только существуют в этом мире, какие только смогут произойти в моей жизни. Минутная стрелка задела ухо черного пуделя, занявшего место на самом верху циферблата. Пора было идти.

Телевизор показывал мне вращающееся изображение древнего солдата и его облачения. Насколько я понимал, пластины его брони представляли собой сцепившихся насекомых, а сама она выступала в качестве места их обитания, где они спаривались, откладывали яйца и вылуплялись, обеспечивая самовосстановление, чем и объяснялся различный размер ее составляющих. Поддаваясь на уговоры своего любопытства, я немного задержался, спустившись с дивана на пол, рассматривая украшенный ракушками и костяными амулетами лазерный излучатель, хранившийся, если верить появившейся на экране надписи, в одном из столичных музеев.

И все же мне пришлось отправиться в путь, выполняя данное самому себе обещание. Пробираясь на четвереньках, я опасливо посматривал на решетчатый бок автоответчика, ожидая от него новых неприятностей, но он промолчал, наслаждаясь моим униженным положением.

Отметив, что на сей раз мне потребовалось намного меньше времени на странствие до кабинета, я даже позволил себе прибавить к нему десять минут, неуверенный в том, насколько отстают от собачьего циферблата змеиные часы, прятавшиеся в его шкафу. Краснотелое пресмыкающееся обвивало золотистый круглый корпус, символизируя, как думалось мне, само время, ядовитыми клыками предостерегая от насмешек над ним.

На мое счастье, требовавшиеся мне записи хранились в нижнем отделении книжного шкафа. Ухватившись пальцами за серебристое кольцо его ручки, я с трудом вырвал дверцу из магнитных объятий и почти тотчас же с верхней полки открывшегося объема на меня вывалилась шкатулка, украшенная сценами охоты на танатозавров.

Загрохотав об пол, она заставила меня поморщиться, увлекая к воспоминаниям не столько отвратительным, сколько скучным. Я совсем забыл о нем. Вздернув золотистый крючок, я открыл шкатулку, стараясь не оставить отпечатков на черном ее лаке, и явил взгляду пребывающий в анабиозе пистолет. Осторожно прикоснувшись к спящему оружию, я провел

кончиком указательного пальца по пурпурным чешуйкам рукояти, прикоснулся к костяному гребню мушки, к желтоватому клыку спускового крючка, к напряженным коротким вибриссам возле дула. Породистая тварь, одна из немногочисленных моих ценностей, произвела за свою жизнь едва ли сотню выстрелов. Перед тем, как отправить оружие в обезличенный сон, я хорошо его накормил и теперь упругость рукояти указывала на то, что магазин полон готовых к использованию эмбрионов. Проведя по вспухшему выступу предохранителя, ощутив на губах дрожащую улыбку, я предположил, что было бы уместнее разбудить его и сделать еще один выстрел. Не особенно надеясь на возвращение былой твердости, я не мог уже ожидать от мира чего-либо приятного. Возможно, мне следовало изучить жизнеписания великих евнухов и прославленных импотентов прошлого, многие из которых, насколько я помнил, доживали до возраста весьма преклонного. Так мне удалось бы выяснить, чем они возмещали столь мягкотелый недостаток и как убеждали себя в ценности существования. Но менее всего прочего хотелось мне тревожить сон существа спокойного, прекрасного и могущественного, нарушать радужное его забвение только ради ублажения сиеминутного своего желание. Закрыв шкапу, я оставил ее лежать на полу и выцарапал у пыльной темноты картонную коробку, когда-то хранившую в себе серебристые туфли моей жены, а ныне служившую скопищем темных равнобедренных пирамидок. Некоторые из них украсили плоскости свои золотистыми, красными, синими полосами, одна из слегка закругленных вершин каждой являла собой стальное отчуждение и каждая несла криво наклеенную бумажку, получившую несколько букв и цифр, написанных моей рукой в соответствии с разработанной мной кодировкой.

Усевшись на полу, перебирая их, выставляя те, представления о чем содержимом казались наиболее многообещающими, я вспоминал счастливые дни, когда мне удавалось, наконец, после долгих поисков, жалобных уговоров и значительных денежных трат, заполучить вожденные записи и я торопился домой, предвкушая удовольствие, каким обязаны были стать они для меня.

Одна из пирамидок не имела на себе наклейки.

Само по себе это не показалось мне странным. Бумага могла отклеиться со временем. Но я всегда приобретал носители только одной фирмы. Считалось, и мнение то подтверждалось большинством знакомых мне профессионалов, что именно «Масано – Кривьер» производила самые надежные пирамидальные носители, выдерживавшие до пятисот тысяч циклов перезаписи, имеющие органические компоненты, менее всего подверженные мутациям и подвижные части, изготовленные из композитных материалов, применяемых в шаманском деле. Стоимость пирамидок той фирмы была столь высока, что вместо одной из них я мог бы купить не меньше трех, изготавливаемых конкурентами. Но ценность записей превосходила для меня все прочее и я не экономил на носителях даже в юности, когда покупал их на карманные деньги и только посмеивался, выслушивая моих одноклассников, прибегавших ко мне с просьбой снова переписать особо приглянувшееся им анальное совокупление Клары Дюболь или скользкие по демоническому члены губы Амолы Шарвье.

На основании пирамидки я рассмотрел изогнутый силуэт императорской кобры с близорукими буквами под ней. Но мне было достаточно и пышногрой змеи, чтобы опознать непереносимую мерзость. То была пирамидка «Ультрафона», одно только прикосновение к которой превращало меня в еретического безумца. Никогда в жизни я не позволил бы себе купить подобную непристойную дешевку. Глядя на нее, я чувствовал, как под пластиковым корпусом все в ней гниет, ржавеет, растворяется, покрывается усидчивым грибом, уничтожая информацию, превращая ее в череду растерянных кадров, смешение губительных помех. Не помнил я и чтобы кто-то приносил мне такой носитель. Невнимательная к деталям и мелочам, моя жена могла купить ненадежную пирамидку, а потом швырнуть в коробку, беспорядком своим создававшую иллюзию незначительности хранимого ею.

Поставив таинственную пирамидку к трем уже выбранным мной, я счел их заполняющими все мои намерения. Обратный путь оказался более трудным. Сжимая в каждой руке по две пирамиды, царапая ладони о их углы и края, я пробирался в залу втрое большее время.

В пародийном ритуальном падении опустившись на колени перед проигрывателем, затаившимся в его логове под телевизором, я обхватил его обеими руками и аккуратно потянул на себя. Цепляясь резиновыми лапками за гладкое дерево, он нехотя, поскуливая, поддался мне, являя запыленное свое тело, недовольный причиненным беспокойством.

Слишком долго пребывал он в бездейтельном отречении. Дважды пришлось мне нажимать на круглый стальной выступ в левом пределе передней панели, прежде чем устройство очнулось, недовольно заворчало, поворачивая скрипучие внутренности свои. В глубине его что-то задрожало, со все нарастающим тонким свистом ускорило вращение незримых частей, невнятный гул колдовским шепотом поднялся, сотрясая пыль на верхней крышке, блеклые зеленые цифры выплыли из темных глубин экрана, устроившегося в беззвучном отдалении от кнопки включения, обрамленные загадочными рунами символов и пиктограмм, значения которых я не помнил. Прикосновением к кнопке выброса я произвел во внутренностях устройства новое движение и результатом того бессвязного брожения, спазматического нетерпения, упоительного недержания, стал щелчок, извергнувший ко мне часть того аппарата, прикрытую до этого услужливо поднявшейся дверцей, несшей на себе эмблему изготовившей той устройство компании. В пластике, украшенном жесткосердными броненосцами, имелось углубление, в которое с мягким стуком упала безымянная пирамидка. Повторное нажатие на овальную кнопку втянуло выдвинувшееся обратно. Как только опустилось, скрывая за собой пирамидку, черное, татуированное длинноязыким паразитарным цветком лезвие, проигрыватель наполнился движением и шумом. Утроба его, пригодная только для воспроизведения, издавала подземные щелчки, глумливый рокот, шуршащие возгласы ускорения, булькающие восторги усваиваемой информации и так продолжалось некоторое время, пока все они не слились, как было у них принято, в ровный, пульсирующий, шероховатый, увлажненный фосфоресцирующими мечтаниями гул. Внутренности машины той, насыщаясь содержимым пирамиды, распечатывали экстренные резервуары миражей, открывали сейфы галлюцинаций, вспарывали гнойники сновидений, придавая им вид случившегося в действительности, превращая их во всевидящее, общепризнанное, многократно повторяемое, неизменное, вязкое уныние прошлого, в самую худшую его, объективную разновидность, одинаково заметную каждому, кто сможет или удосужится просмотреть. В своих поисках незаметных драгоценностей, утомительных, уродливых редкостей, я преследовал отнюдь не желание выделиться среди прочих, не был ведом бесприютной гордыней, как наивно полагали даже многие из давних моих знакомых, но стремился обрести уверенность в допустимости исходящего извне личного, то есть всего притворявшегося моими видениями и все же имевшего доказательства своего существования, обнаруживаемые во всеобщем восприятии, в изданных вымирающим тиражом монографиях, специализированных энциклопедиях, каталогах того, что никто не надеется увидеть.

Запись была сделана на камеру низкой восприимчивости.

Такими короткими волосы моей жены были за несколько лет до нашей встречи.

Улыбаясь яркими губами, совсем маленькими тогда, не распухшими еще от регулярного присутствия между ними моего члена, она, обнаженная, смотрела прямо на объектив, чуть сощулив глаза и левый косил немного больше, не познав еще исправляющего вмешательства. Намного позже оргазменное напряжение совершит то, чего не смогли сделать ни врачи, ни шаманы, почти поставит его на полагавшееся ему место. Сочетание недоверчиво – любопытного взгляда и кокетливо – игривой улыбки, вместе с угадывавшимся в девушке лихорадочным напряжением, бродившим под ее кожей невидимыми фрактальными демонами, производило впечатление существа, одурманенного собственной плотью. Само ее присутствие в качестве определимого воплощения восхищало ее, не говоря уже о всех предоставляемых

тем фактом возможностях. Сменив улыбку на нечто сосредоточенно-неподвижное, она произнесла несколько слов, чуть изменив направление взгляда, обращаясь к находящимся за пределами видимого. Мгновение радости, достойной ребенка, получившего обещание невозможного подарка, позволило ей обрести расслабленную уверенность и она упала назад, повалилась на спину как пустая бутылка, готовящаяся разбрасывать поцелуи. Одновременно вскидывая обе вытянутые ноги, обнаруживая свою оранжевую наготу, она радостно смеялась, выставляя на обозрение лобок с аккуратной полоской присыпанных серебристыми искрами волос. Разведя в стороны дрожащие ноги, она согнула их, приподнялась на локтях, взирая на неведомых присутствовавших с игривой заносчивостью, с упрямой дерзостью подростка, возмевшегося во что бы то ни стало повторить содеянное всеми уже приятелями его. Последовал очередной торопливый обмен фразами, смущенно опустивший глаза Ирины и движения губ ее, неуверенные, неточные, сомневающиеся в правильности выпускаемых ими звуков, сопутствовали той уступчивой скромности, а пальцы ног ее сгибались и выпрямлялись, неподвластные ей, выдающие буйное ее нетерпение. Тряхнув головой еще раз, она совершила резкое движение, выбросила вверх сошедшиеся, выпрямившиеся ноги, тяжело продавila кровать и, едва не завалившись на бок, перекувырнулась, оказавшись в результате того растрепавшего волосы пируэта сидящей на коленях, сменяя жемчужный шелк простыни. Мне она говорила, что никогда не умела и не могла кувыряться. Сдвигнув изогнутым острием в подбородок волосы с левого глаза, отведя за ухо самую непоседливую прядь, она махнула рукой тому, кто производил ту запись, метнула огненным заклинанием недовольное вспылчивое слово, обжегшее ее губы так, что ей пришлось прикусить нижнюю, одной болью заменяя другую. На несколько секунд экран увлекся безутешной темнотой, а затем я увидел свою жену, сжимающую губами мужской член подобно тилацину, заглатывающему овцу. Расположившись возле правого бока мужчины, она стояла на четвереньках, правую руку положив поперек волосатых ног, щепоткой пальцев ее касаясь разбухших, вылепленных с волнующей неаккуратностью тестикул, левой же придерживая у основания член, вздымавшейся покосившейся башней похотливого колдуна, сохраняя вертикальное положение его для удобства обращения. Величие того вознесения смутило меня, превосходя доступное мне. Возносясь над вытянувшей из себя черные ростки пустыней выбритого лобка, оно покачивалось в осторожном сжатии, приоткрыв обсерваторию на округлой вершине своей, сквозь темную прореху в которой должны были заметны все светила наслаждения, все оргазменные вспышки и темные течения похоти. Недостатки записывающего устройства, неспособность справиться со слабым светом или непонятным привкусом его привели к тому, что все воспроизводимое обрело желтовато-оранжевый тигровый оттенок, придававший ему ощущение намеренного уклонения от точности, стремления к приукрашенному смягчению, искаженному изяществу. Кожа девушки приобретала от того вид загорелой и лоснящейся бесстыдным золотом, с волосами забавлялся желтоватый угрюмый оттенок, в фиолетовые веки вгрызалась искристая темнота, а любая тень вбирала в себя неприятную, дешевую, акулю глубину. Протянувшаяся из-за пределов экрана рука, тонкая и покрытая запутавшимися в волосах шрамами, приподняла волосы Ирины и осталась на ее голове, придерживая их, не позволяя им закрывать профиль ее, искажаемый производимым ею действием. Обхватив губами темное наверхие, она медленно низвергалась на упрямую твердь, вынуждая ее исчезнуть во влажном небытии. Струйка слюны текла по левому краю напрягшейся плоти, ртутным блеском переползая через придерживающие ее девичьи пальцы, глаза Ирины то опускали веки, отчего проявлялась во всей своей вязкой черноте длина ее ресниц, почитаемых многими накладными, то оставались открытыми и тогда ее взгляд обретал пророческую неподвижность, наблюдая сцены неотвратимого безразличия. Казалось, она не видела перед собой ни мужчины, ни его плоти, не чувствовала соприкосновения с ней, не осознавала совершаемого ею или, во всяком случае, не воспринимала его как соитие в его подразумевающей нечто относящееся к столкновению полов разновидности. Мне

доводилось встречать проституток, ввиду опыта и многократного повторения совершавших то же действо с унылой отстраненностью, неестественной, кукольной небрежностью. Ирина же полностью исчезала в совершаемом ею, ни на мгновение не желая отрываться от мужчины, как не пожелал бы отвести взор от чудесных знамений в небе самонадеянный пророк. Губы ее плыли по мужской плоти, вбирали ее длину подобно странному лекарству, предотвращающему неведомые в этих краях болезни или диковинному фрукту, оплодотворяемому девственницами, модному и, как принято говорить, имеющему похожий на клубничный вкус. В неторопливой надменности презирающих повторения движений я видел упорную настойчивость старателя, задыхающегося в растяжимой хрупкости престарелого противогаса, но не переставшего процеживать чешуйчатыми перчатками ртуть в поисках мозговых камней.

В происходящем на экране виделся мне признак иного мира, вратами своими выбравшего разомкнувшиеся, раздувшиеся от усердия губы девушки, избавленного от всего мягкого и позволяющего себе только нечто напряженное, твердое, раздувшееся, набухшее, насытившееся, разрывающееся от влажной натужности, блуждающее в сонном забытии, прерываемом лишь появлением новой возможности судорожного излияния. В этом вдохновленном буйстве признавалось исключительно увлеченно округлое, чванливо вздымающееся, сладостно сочное, заманчиво липкое и она вполне соответствовала всему тому. С молчаливой, деятельной, порывистой сосредоточенностью набрасывалась она на член, отрывалась от него, оставаясь связанной с ним шелковой нитью блестящей слюны, всматривалась в его предвечную темноту, снова опускалась, вбирая его, предвестника насекомых упрощений, сияющего золотистым предостережением об упадке, утопающего в пузырящейся слюне и казалось, что нет в мире занятия, которому она дарит бы время с большей щедростью. Все движения ее отличались самоуверенной, расслабленной, мягкой и точной небрежностью, отличающей не столько опыт, сколько всемерное расположение к занятию, наличие дара особого, драгоценного, представляющего собой сочетание всех приобретенных особенностей, подтвержденного как природой, так и всеми другими силами, наличествующими в мироздании. Легкость, с которой художник делает набросок на салфетке привокзального кафе, волнующая радость музыканта, мягким прикосновением к клавишам позабытого пианино выбивающего из них пыльную сонату, сосредоточенная осторожность снайпера, через много лет после войны взявшего в руки винтовку. Подняв губы над блестящей влажной головкой, напряжение в которой могло бы сплотить иные недоверчивости, она повернулась к мужчине и произнесла нечто, способное быть только предложением. Радужными горизонтальными линиями вспыхнули помехи, неистовыми стаями разбрелись по экрану, преследуя скрывающуюся в пространствах между его точками добычу, еще один кадр пробился ко мне определенным образом, позволив увидеть девушку, стоящую на четвереньках над мужчиной, затем изображение сменилось на мгновение увлеченной разноцветными полосами темнотой, после чего и вовсе исчезло. Никогда не следует доверять важные записи дешевым и ненадежным носителям.

В тот вечер она вновь пожелала испытать на мне свою похоть и после получаса слюнявых стараний, когда я, почти уже засыпая, узрел сквозь подступающую темноту кадры подсмотренного мной, радостный крик жены вырвал меня из влюбленной полудремы.

– Он дернулся! – она вскочила, села на колени, пораженно всматриваясь в мой член, словно был он цветком, распускающимся один раз в тысячелетие. – Я почувствовала, он дернулся!

Зарывав, она с еще большей яростью набросилась на него, но успех не повторился. По истечении часа она устала и, тяжело дыша, легла рядом со мной, прижимаясь к моему боку горячими грудями, пересчитывая мои ребра окаменевшими сосками. Руки ее гладили меня, пощипывая мои соски, но не касаясь члена, словно боялись более беспокоить его и предпочитали дать ему отдохнуть после усилия, представавшего немислимым в настоящих обстоятельствах.

– Я почувствовала, как он дернулся! – шептала она, изнывая от радости моряка, умирающего на открытом им острове. – Скоро все будет как раньше.

Сам я не ощутил того, о чем она говорила. Никакого изменения не наблюдал я в себе, не появилось во мне ни силы, ни твердости. Возможно, близость непритязательных сновидений отвлекла меня от собственных переживаний и я упустил мгновение плодоносной вспышки или в незначительности своей она позволила ощутить себя только языку Ирины, подвижному, как плавники морского конька, чувствительному настолько, что мог он пересчитать крупинки соли, обрушившиеся на него. Распутная темнота кружилась, смеялась, позволяя мне выбирать между сном и любой другой пустотой и я не был уверен в том, которая показалась мне предпочтительнее.

Вернулся я к действительности лежа на спине, как будто за всю ночь не поменял положения. Но в конечностях моих не было ничего, кроме ставшей уже привычной мягкотелой слабости, не имелось в них ни покалывания застоявшейся крови, ни усталости судорожного напряжения. Еще не прислушавшись, не впитав в себя пространства квартиры, я уже понял, что был в ней один. Впервые за все дни после катастрофы я проспал уход моей жены и счел то знамение благоприятного будущего, убедив и себя в том, что была она права и действительно ощутила минувшей ночью биение грядущей страсти, как другие женщины – первый удар о матку пятки нежеланного ребенка.

За свою жизнь я, к чести своей, пережил немало поражений, включая и имевшие причиной женщин, но никогда ранее я не чувствовал себя таким неудержимо слабым, словно произошла во мне некая неопределимая, сверхъестественная инверсия, открывшая меня для иной вселенной, где слабость и сила противоположное привычному мне имели значение и теперь они перетекали сквозь мои незримые каналы, сменяя друг друга в уверенности незаразного недуга. Ранее я не без оснований наслаждался собственным мнением о себе как о существе порочном и развратном, склонном к великому числу разнообразных перверсий, не имеющему в себе ограничений, отвращений и страхов относительно удовольствий и сладострастных страданий плоти. И моя жена, во всей ее ненасытной похоти, подтверждала то, утверждала в других мнение обо мне как о тонкословном соблазнителе, неутомимом развратнике, изощренном палаче, аморальном авантюристе. Теперь же я ощущал себя ребенком, получившим умиляющую похвалу от матери и самые изощренные свои предприятия видел отражающимися в глазах Ирины повторением не самых удачных ее переживаний.

Несколько часов я потратил на поиски других лишенных наклеек пирамидок. Уверенный в многочисленном их существовании, я желал увидеть и прочие подвиги моей жены с не меньшим замороженным любопытством, с каким в детстве ожидал очередного рассказа о разрушительных деяниях древних героев, каждый вечер сообщаемых мне матерью. Осмотрев все хранившие мою коллекцию ящики и коробки, я нашел в них только обладающее наклейками и почувствовал себя раздраженным и недовольным, возмущенным пошлой несправедливостью. Я мечтал, чтобы мне открылась истина о наличии у нее до меня сотен любовников, обворожительных гигантов, превосходящих меня размером члена, намного более привлекательных, чем я, превосходящих меня ростом, великолепных фигурой, статью, благородными чертами лица, могучих красавцев, даривших ей бесчисленные оргазмы, в чьей сперме она захлебывалась, воспаленными пятнами на коже сохраняя воспоминания о липких потоках. Мне хотелось, чтобы каждое из ее порывистых совокуплений с ними было запечатлено в пирамидальной памяти, сохранено в священных тайниках, открытых моей мужественной слабостью и предстало теперь передо мной, позволяя прозреть прошлое, обрести в нем призрачную прочность, разрушительную ясность, сметающую нелепые наслоения обыденности, счищающую с сознания ороговевшие наросты привычек, преподносящую мир во всем его великолепном, сияющем безумии, яростном и радостном, глумливом и похотливом. Увиденное мной являло собой исключение из всего, чем ранее представлялось мне существование, становилось в мыслях

моих событием немыслимо редким невероятным, подобным божественному или инопланетному явлению, превращаясь в бесповоротное чудо, после наслаждения им оставлявшее только возможности для самоубийства или превращения в пророка. Если бы подобное было открыто мной до катастрофы, я предпочел бы первое, но теперь, подобно новоявленному поклоннику, узревшему неоспоримое, желал новых, иных, еще более восхитительных чудес и, прислонившись спиной к тумбе стола, бессильно опустив руки на мягкий ковер, рыдал от невозможности обрести их. Издаваемый телефоном скрежет прервал мои излияния. После недавнего падения он, так и оставшийся на полу, не мог уже произвести обычный свой истеричный звон и тот лишь изредка прорывался сквозь трескучие, неровные, волнистые припадки. Потребовалось лишь протянуть руку и ощутить под пальцами льстиво гладкую телефонную трубку, но я выждал семь ее сотрясений, собираясь с силами, глубоко вдохнул и не столько поднял, сколько вскинул ее, выскальзывающую из слабеющих пальцев, подхватил второй рукой, забросил на плечо, наклонил голову, прижимая ее к нему, вслушиваясь в прогрызающий путь через наросты тишины голос, почти забытый уже мной.

– Здравствуй, друг. – преувеличенная его дружелюбность, ранее ему не свойственная, не столько насторожила, сколько удивила меня. Пронырливая, хрипловатая, вкрадчивая, она притворялась плоскозубой и подслеповатой, но, я был уверен, способна была на неожиданное хищное коварство.

Пробормотав невнятное приветствие, я закрыл глаза, сосредотачиваясь на том, что должен был услышать.

– Я встретил вчера твою жену. – его молчание присоединилось к моему и я замер, наблюдая за поединком их слившихся тел, недоумевая, которому из них удалось все же поглотить другое под аплодисменты порочных помех.

– Она рассказала мне о случившемся. Я же ничего не знал. Сочувствую, сочувствую— но в последних словах мне слышалось только напряженное злорадование.

– Твоя жена, – он немного смутился или сделал вид. – Она рассказала мне все. О твоих проблемах по мужской части.

Должен признаться, что я позволил себе мгновение злости на Ирину, ощутив себя еще более слабым от распространения подробностей моего недуга. Успокоиться мне удалось только напомнив себе об отсутствии оскорбительного в истине. Каким бы ни было мое состояние, оно признавалось временным и вскоре болтливое унижение, произведенное девушкой, уже ничего не будет означать.

– Врачи говорят, что это ненадолго. – несмотря на то, что я всего лишь повторял чужие слова, выглядели они ложью и для меня самого.

– Рад это слышать. Но ей очень тяжело. Она смеется, что уже натерла пальцы, но ты же понимаешь, насколько это серьезно. Она страстная женщина, ей нужен мужчина. Боюсь, если это продлится еще какое-то время, она уйдет от тебя. – повтор собственных мои мыслей из чужих уст предстал зловещим бесплатным предсказанием, темным теплом ворвавшимся в сердце.

– И что, по-твоему я могу сделать? – неоправданное раздражение мое самому мне показалось приятным.

– Ты можешь отдать ее мне. – таким голосом сам я просил о скидке у рыночных торговцев.

Его интерес к ней всегда был слишком заметным и я не избегал насладиться им. Уверенный в сути своей единственного мужчины, к которому Ирина проявляет любопытство, превосходящее смешливую бесплотность, я с презрительным умилением наблюдал за тем, как на совместно проводимых празднествах или вечеринках мой друг старается держаться поближе к моей жене, одаряя ее большим вниманием, чем собственную его женщину, вслушивался в их разговоры, касавшиеся, в том числе и прежде всего, тем непристойно-насмешливых. При-

знаявая ее, не испытывающую стеснения, не понимающую смущения и отрешившейся от стыда, единственной женщиной, с которой он может чувствовать себя свободным при обсуждении столь жизнеутверждающих вопросов, как множественный женский оргазм или переживания, которые она испытывает, когда задумчивый воск из вставленной в ее влагалище свечи стекает на клитор, он однажды нашел возможным сообщить мне, что, если бы у нас возникло желание, не отказался бы принять участие в наших постельных забавах. Для меня это прозвучало как откровенное желание совокупиться с моей женой, получающее законное основание в виде моего предполагаемого присутствия, но стало скорее приятным, чем оскорбительным, утвердив мое мужское превосходство. В ту минуту я счел лучшим кокетливо улыбнуться, позволяя понять, что склонен считать услышанное шуточным недоразумением.

– Ты должен понимать. – сочтя тишину с моей стороны язвительно-агрессивной, он высил голос свой, ускорил слова. – Так будет лучше. Ты же знаешь, я совершенно здоров и не причиню ей вреда. Чего нельзя сказать о том, кого она найдет на стороне. Ты можешь быть уверен, что со мной она будет в безопасности. Что ты скажешь?

– Ты разговаривал с ней об этом? – трубка становилась все более теплой, все менее приятной.

– Нет. – принимая мою власть над ней, он следовал собственным воззрениям, не понимая покорность ее исток имеющей в удовольствии и питаемой только им. – Сперва я решил узнать твое мнение.

– Поговори с ней. – из того, что мне было о нем известно, я сомневался в возможности для него выдержать натиск ее ненасытной похоти, этой истеричной хищницы, полной паразитарных извращений, пожирающих любое попадающее к ней удовольствие, вынуждающих ее к неустанному голоду.

Большим пальцем левой ноги я коснулся пластикового черного рычага, выпрямил шею, позволив трубке упасть на ковер, произведя при этом звук, с каким падает на землю выброшенная артиллерийским орудием гильза несущего ядовитые газы снаряда.

Прислонившись головой к прохладному дереву, я некоторое время сидел с закрытыми глазами, после чего, встав на четвереньки, отправился в залу по темному и пыльному коридору, забрался на диван, вынудив запись к постоянному повторению, снова и снова наблюдая за тем, как моя жена забавляется с чужим членом, как будто был он проводником величайших тайн, предвестником очищающих превращений.

Мне снилась неведомая лучезарная машина, пребывающая высоко над миром, в горячей высоте, слишком близко к солнцу для пребывания в покое и ее серебристо-белое тело, исходящее мириадам златоточивых бликов, видимое лишь малой своей частью, напряженным подбрюшьем, исполосованным ровными следами ритуальных шрамов, посреди которых с медлительностью рождающей чудовищ луны возникала рваная оторопь, разлеталась темными брызгами, желчными каплями, разрывая непорочную плоть, позволяя видеть темную изнанку ее, выбрасывая из себя преждевременным извержением, молчаливым выкидышем, нечто тонкое, сжавшееся, вязкое в своей плотоядной страсти к жизни, неторопливо падающее, легкостью равное оговорке, разворачивающееся всепожирающей гусеницей, выпрямляющее напряженное тело, выдергивающее из него короткие прямоугольные крылья, ознобом сладостной дрожи стряхивающее льдистые покровы, пламенным всхлипом возвращающее себя миру и устремляющееся прочь, вращаясь, позволяя лицезреть неведомые письмена, начертанные на нем кровью девственных пилигримов.

– Я смотрю, ты развлекаешься. – Ирина стояла передо мной, опустив руки в карманы короткой кожаной куртки, повернувшись к экрану, поглаживая босыми пальцами правой ноги левую.

– Как ты объяснишь мне это? – еще не проснувшись, не избавившись от липкой замутненности небесного видения в котором, как чувствовалось мне, должна была присутствовать

и моя персона, я махнул рукой в сторону телевизора, не находя ничего лучшего, чем просто-душное, жалкое, бессильное обвинение. – Почему ты делала все это?

– Ты хочешь знать, почему я поменяла цвет кожи? – опустившись на диван слева от меня, она сопроводила то звенящей перебранкой застежек и колец, во множестве имевшихся на ее одежде. – Даже и не могу вспомнить.

Радостная ее насмешка смутила меня. Тусклый свет, добравшийся из прихожей слишком долго, подвергавшийся нападениям спектральных разбойников, хищных тварей, обросших тенями и плюющихся мраком, мало чем мог помочь мне и казался слепящим безумием. Стирая слезы из уголков глаз, я перевел взгляд на экран. Расположение действующих лиц и производимые ими действия остались прежними, равно как желтеющий фон и торопливые помехи, но вместо Ирины я видел теперь темнокожую девушку, зеленые волосы завившуюся в множество тонких кос, тонкостью черт определявшую родителей ее не брезговавшими всеми доступными им смещениями и привлекательность своей на одно мгновение вытолкнувшей из меня память о произошедшем изменении.

– Как ты сделала это? – схватив жену за руку, я притянул ее к себе. Похотливо ухмыляясь, она сочла то признаком моей возвращающейся страсти. Куртка распахнулась и я увидел проступивший сквозь тонкую ткань белого топа возбужденный сосок.

– О! – ладонь Ирины с размаха обрушилась на мою промежность. – Сделала что?

Губы ее, озаренные призрачным блеском кристаллической лжи, тянулись ко мне, вызывая о размазывающем помаду поцелуе. Странная ее расчетливость, позволившая иметь заранее миражную ту запись, восхитила меня, а причиной произведенной подмены видел я имевшее место кратковременно напряжение моей плоти, замеченное недавно. Теперь она не нуждалась более в том, чтобы втолкнуть в меня повод для изгнания и надеялась на возвращение казавшихся счастливыми прежних времен, предлагая и мне счесть то приятным. На матовой коже захлебывающейся мулатки излишком пурпурной темноты бредили румяна, фиолетовые тени переливались ворчливым золотом и сходство между ней и моей женой было достаточно велико, позволяя простой перемене цвета привести к вполне объяснимой ошибке. Расторопные пальчики Ирины уже добрались до моего члена, губы ее растирали липкую помаду по моей шее, дыхание жены шорохом стальных змей расплзлось в дымчатой пыли. У меня не было сил отталкивать ее, несмотря на всю творимую во мне разочарованием злость. Подозревая, что неким таинственным способом ей удалось лишить меня одного из самых волнующих зрелищ, я мог теперь только вспоминать о нем, желая его больше, чем любого совокупления. Она подбиралась все ближе ко мне, нависая надо мной, вдавливая меня в угол дивана и я чувствовал себя девственницей, запертой в квартире с мужчиной, настойчивостью своей не оставляющим сомнений в последних невинных минутах.

– Мне больно! – хрипло воскликнул я и она отпрянула, отдернула руку, отвлекла взгляд опьяневших глаз, облизнула полустертые губы.

– Сегодня мне звонил твой друг. – склонив голову, она сидела, потирая друг о друга ладони. – Тот, высокий. Он предлагал мне странные вещи.

– Переспать с ним? – мгновение взрывчатых помех, за которым должны были последовать несколько секунд темноты, я принял как самое приятное предзнаменование.

– Для твоего же блага. – усмехнувшись, она тряхнула головой в невзрачном отрицании. – Для нашего с тобой блага, как говорил он. Чтобы сохранить наш союз, сказал он.

– Каков был твой ответ? – воспроизведение началось вновь и я заметил, что на заднем плане, на противоположной от камеры стене появились часы, цифры на белом круге которых извивались причудливо гибкими кошачьими телами.

– Я сказала, что подумаю. – ее ноги вытянулись, согнули пальцы и выпрямили их вновь, ослепив меня на мгновение отблеском электрического страха в алом ногте.

– Ты не отказала? – намерения ее смущали и волновали меня, оставаясь неясными и многоликими.

– Он всегда казался мне привлекательным. А в наших обстоятельствах. – повернувшись ко мне, она взирала на меня исподлобья и испытующее равнодушие казалось мне преобладающим в ней. Отчаяние ее могло превосходить мое собственное, ведь для нее оно означало и утрату многих других возможностей, не представлявших интереса для меня. Не далее как за две недели до катастрофы она вновь заговорила о том, что нам следует подумать о ребенке. Но я проводил целые дни в высоколобом возмущении конторы, она металась между съемочными площадками и офисом и встречались мы только для совместных ужинов и совещаний, а в выходные иногда позволяли себе блеснуть в кинотеатре или расцвести в городских садах. Предложив отложить разговор о продолжении рода до тех пор, пока я не закончу дело, а она не завершит проект, я отправился тогда забирать свой новый автомобиль, прибывший с острова, успевшего затонуть во время доставки.

– Ты бы не возражал? – так одна монета могла бы спрашивать другую о том, какой стороной ей следует упасть.

– Это что-нибудь изменит между нами? – сам же я всегда предпочитал игральные кости, находя в них большую непримиримость.

Ее голова резко двинулась в одну сторону, замерла, совершила столь же порывистое движение в другую, отмечая гневливую уверенность.

– Тогда у меня есть только одно условие. – ее любопытство сродни было тому, с которым она внимала правилам новой игры. – Я должен получить видеозапись того, что произойдет.

Для нее я выберу самые надежные пирамиды, я создам множество копий, я превращу их в заархивированных плотных мумий, я спрячу их в радужных хранилищах, я заполню ими принадлежащие мне банковские соты, я выберу лучшие кадры, помещу их в золотистые рамки и буду носить их в своем бумажнике.

Кивнув, Ирина задумчиво посмотрела на экран, оценивая действия девушки, сощурила глаза, отбросила назад упавшие на лицо пряди.

– Я обещала ему дать ответ в следующую страстницу. – ткань ее черных брюк тонкостью своей открывала отсутствие на ней белья, что в тот день показалось мне странным. Проследив, как она скрылась за ведущим к ванной поворотом, я перевел взор на потемневшую кровать, завершавшуюся, готовившую превратиться в скопище клыкастых помех. Никогда больше я не позволю себе оставить что-либо показавшееся мне удивительным в единственном экземпляре.

Продолжая уверять меня, что состояние мое значительно улучшилось, она вновь уделила моему члену не менее получаса слюнявого внимания, не добившись от него повторения недавнего успеха. Слегка разочарованная, она устало выпрямилась, вытерла губы, смущенно улыбнулась мне, как будто сама была повинна в очередной неудаче. Сжимая свои соски, она сидела, задумчиво изучая меня, как мог бы рассматривал карту командир окруженного противником отряда.

Посреди ночи я проснулся от удушающей тяжести и раньше, чем смог осознать источник ее, ощутил знакомый приторный вкус, вязкую влажную оторопь похотливого откровения. Стоя на коленях, упираясь вытянутыми руками в стену, она прижималась влагиалищем к моему лицу, тяжело дышала и поводила бедрами, вынуждая нежные губы свои тереться о мои, вовсе не желавшие подобного поцелуя.

В темноте я едва мог разглядеть жену, но глаза ее оставались закрытыми, а прижимающийся к верхней губе кончик языка казался разбойничьим украшением.

– Ну же! – хриплый шепот ее мог загнать обратно в пещеры немало летучих мышей. – Давай!

Но я задышался, чувствуя не возбуждение, но приближение смерти. Она прижималась ко мне с таким пылким неистовством, так сильно вдавливала себя в мое лицо, что я едва мог

вдохнуть воздух и то одной лишь левой ноздрей. Неожданность происходящего и вполне объяснимый испуг привели к ненужному волнению, сердце мое затрепыхалось, требуя действия, но добилось только увеличившейся нужды в кислороде, в отсутствии которого легкие не могли уже укорять свою пустоту. Чувствуя себя близким к обмороку, я успел все же усмехнуться, представив, какой нелепой и забавной должна выглядеть моя смерть в подобных обстоятельствах. Взмахнув бессильно приподнявшимися над простыней руками, я попытался согнуть ноги, приподняться, сделать хоть что-нибудь, дабы жена моя поняла, что ее жажда наслаждений убивает меня. Должно быть, совокупность всех моих стараний или отсутствие ответа от губ и языка моих на ее страстные покачивания, позволили ей понять в происходящем нечто опасное и, приподнявшись, она наклонила голову, всматриваясь в меня. Глаза Ирины блеснули горечью подобравшейся к окну Луны и в то же мгновение она отпрыгнула, вскочила на кровати, издав испуганный, сдавленный чужой тишиной крик.

После этого были вода, таблетки, слезливые извинения, требовавшиеся мне значительно меньше продолжительного непрерывного сна. Перед тем, как снова выключить свет, она пообещала мне, что больше подобного не повториться.

До катастрофы я никогда не отказывал себе в удовольствии насладиться ее вкусом. Истечения ее всегда отличались обилием и лишь в незначительной мере меняли свой вкус, остававшийся почти незаметным, пикантно-приторным, подобным отблеску солнца в пожираемых горами облаках. Среди обычаев моих было, привязав жену к кровати, на протяжении часа изводить ее, пытающуюся выкрикнуть сквозь кляп просьбу о пощаде, едва не выталкивающую из ануса стальную пробку, высасывать сок ее клитора, оставляя ее едва ли способную осознавать что-либо и возвращаясь снова через полчаса для второго сеанса истязаний. Отнимаемые утопающим в слюне черным шаром слова ее были ясны мне, но я никогда не отказывался от установленного распорядка и не позволял ей почувствовать мой член. Мне никогда не бывало скучно на протяжении тех часов. Чаще всего и сам я впадал в зачарованную прострацию, закрыв глаза, удерживая руками ее напряженные, беспорядочно дергающиеся бедра и не чувствуя ничего, кроме обжигающего язык клитора под своими губами. Изредка, когда настроение мое было иным и не позволяло мне столь просветленного отречения, я развлекал себя требуемыми размышлениями, решая вопросы конторы или собственные свои затруднения в то время, как моя жена извивалась от очередного из бесчисленных оргазмов. Нужно признать, что в отместку я получал равное и, будучи привязанным, мог в должной мере наслаждаться ее искусством, позволявшим удерживать меня в одном дуновении от оргазма на протяжении долгих минут. Ранее я полагал умение то исходящим в исключительно от природной расположенности, теперь же был уверен в добавлении к ней и немалого опыта.

Происшествие то имело последствием для меня более долгий, чем обычно сон. Пробудившись вскоре после полудня, я долго лежал, переворачиваясь с одного бока на другой, вытягивая и сгибая конечности, проверяя себя, исследуя свою силу. Отбросив простыню, я подставлял свою наготу потолку, созерцая его белизну, обнаружив в ней тоскливую неравномерность, сочетавшую острова чуть более темного оттенка с проходившими между ними теплолюбивыми течениями восторженной белизны. Глубоко и медленно дыша, я сгибал левую ногу, пострадавшую больше другой, прислушиваясь к скабрезному хрусту в колене, ранее незамеченному мной и думая о том, не следует ли мне вновь посетить хирурга и указать ему на обнаруженное повреждение. Когда нога согнулась в очередной раз, кончики пальцев коснулись ее бедра и в том прикосновении, случайном, кратком и неловком, как впервые дотронувшаяся до женской груди ладонь гомосексуалиста, я почувствовал оторопь незнакомой плоти. Подобным образом мог бы чувствовать себя некто, лишившийся чувствительности и неожиданно обретший ее вновь. Но подобных последствий моя катастрофа не имела. Взволнованный предположением о множестве иных незамеченных специалистами или проявившихся только теперь, много позднее того, как я покинул больницу, недугов, я вызвал тем самым учащение сердцеби-

ения и белесые потоки превратились в темнеющие, замерзающие каналы. Увернуться от клыков забвения мне удалось лишь замедлив свое дыхание. Отвлекая себя, убеждая в отсутствии чего-либо потерянного или скрытого, я поднял левую руку и прикоснулся к шее чуть ниже скулы, где извивалась паразитарным червем непослушная артерия, медленно опустил руку, кончиками пальцев прикасаясь к коже, проводя ими сперва к хребту ключицы, затем по тенистому плато солнечного сплетения, по великому голодному пути спускаясь к пупу и далее, еще немного, чуть – чуть неуверенно, подрагивающими пальцами, как будто все это могло неожиданно оказаться чужой плотью, призрачной посмертной насмешкой.

Впервые за все это время я прикоснулся к своему члену. Слабость его была очевидна мне и я не делал ни одной попытки самостоятельно возбудить его. Если гвардия не смогла взять город, то штрафным батальонам не следует и пытаться. Даже пребывая в уборной я брезговал прикасаться к нему, приподнимая и отодвигая его резинкой белья, словно слабость его могла передаваться и рукам моим или распространиться далее по всему телу, превращая меня в красноречивого паралитика.

Пребывая под моими пальцами, он ничем не напоминал мне знакомое ранее ощущение. Не имелось и сходства с детскими о нем воспоминаниями. В возрасте семи лет, как только родители уходили из дома, оставляя меня одного, я немедленно раздевался донага, предпочитая играть, читать и забавляться иными способами именно в таком виде. В процессе тех развлечений я нередко оказывался и в спальне родителей, никогда не запиравшейся и хранившей неприметные чудеса, аккуратно возвращаемые на свое место и надоевшие мне только через несколько лет. Но больше, чем кровать, требовавшую от меня прыжка для вторжения на нее, больше, чем коллекции значков и марок, привлекало меня зеркало шифоньера, помимо кожи и кружев, хранившее за собой и журналы отца, все с непомерно толстыми женщинами, при отличавшейся болезненной тонкостью матери, и книги, удаленные от содержащихся в книжных шкафах собратьев, в карантинной надежде не допустить заражения их проклинающим безумием непоследовательного порока.

Поднимаясь от самого пола и почти добираясь до потолка, цветастая та амальгама, полившая мое отражение мутными пятнами, текучими совращениями оттенков, робким искажением естества, позволяла мне рассмотреть себя всего спереди и боков, а помощь круглого зеркальца, поросшего белесыми отпечатками пальцев, снятого мной с туалетного столика, позволяла узреть и вид со спины. Стараясь быть как можно более требовательным, находя миллион возможностей для сравнения в детях, увиденных мной во дворе, в отпрысках бывавших в нашем доме друзей моих родителей, я признавал себя более миловидным, чем все мальчики и даже многие девочки. Уверенный в том, что светлые мои кудри делают меня неотразимым даже для чужих, случайно встреченных на улице женщин, громогласно восхищавшихся ими, я признавал красоту своего узкого лица, изящество тонкого носа, очарование склонных к улыбке, всегда пребывающих в готовности к ней темных губ, которые пытались поцеловать и многие мужчины, а ягодицы мои, полученные в форме столь близкой к идеально круглой, что только самый пристальный и требовательный взгляд мог бы заметить несовершенство, ближе всего остального пребывали к броской безупречности. Вопреки всем призванным пугать историям, услышанным от родителей, подсмотренным в газетах и новостях, ни я, ни кто-либо из моего окружения, никогда так и не удостоились чести быть совращенными. Не оказалось возле нас пугающих, очаровывающих незнакомцев, ласковыми голосами уговаривающих, убеждающих, шепчущих сладострастные увещевания, никто не набрасывался на нас, не пытался затащить в автомобили или темные подъезды заброшенных домов. Не было даже случая, чтобы желающий продемонстрировать нам свой восхитительный член появился перед нами, распахивая длиннополые одежды. Все это расстраивало меня, ведь время моей детской красоты пропадало, исчезало, не востребованное и оказывающееся удручающе бесполезным. И если во всем остальном я имел возможность сравнить себя с другими, наблюдая под

бельем ягодицы сверстников и убеждаясь в собственном превосходстве, то привлекательность моего члена оставалась для меня тайной. Я никак не мог рассмотреть его у кого-либо из своих ровесников и испытывал бессонные страдания, мечтая убедиться в достаточной красоте сего своего органа. Стремясь выяснить ответ на сей вопрос, я, услышав в каком-то кинофильме, что только женщина может судить о привлекательности мужчины, пригласил к себе в гости нескольких знакомых мне девочек, из которых одна была моего возраста, а две других – на год младше. Придти ко мне убедило их обещание торта, действительно оказавшегося в их полном распоряжении. Оставив подружек, рассеявшихся на полу вокруг блюда, легко разместившего бы на себе любую из них, я вышел из комнаты, пообещав вскоре вернуться с кое-чем интересным. В спальне родителей я полностью разделся, растер по губам самую яркую из найденных мной помад, не сумев сделать то достаточно аккуратно и оставив пятна ее на левой щеке и подбородке, взбил волосы, вспомнив, что так делала девушка в телевизионной рекламе, прежде чем войти в комнату к своему мужчине и в таком виде предстал перед ожидавшими чего угодно, кроме моей наготы. Самая старшая закричала, выронила чашку, упавшую на ее колени и расплескавшую чай по ее красным брючкам, закрыла глаза ладонями, испустив при этом переливчатый тихий визг. Одна из младших, всплеснув руками так, словно ей преподнесли самую редкую в мире куклу, широко раскрыла рот и замерла, а другая сперва посмотрела на мою промежность, словно не веря, что подобное может существовать, а затем вскочила, одним прыжком оказалась возле меня, оттолкнула прочь и бросилась к выходу из квартиры. За ней немедленно последовали и ее подружки. Умоляя их остановиться, я кричал, обещая им мороженое и любые сладости мира, но они уже открывали дверь, исчезая в подъезде, сопровождая то возмущенными, испуганными криками. Произошедшее было сочтено мной доказательством уродства имевшегося у меня органа. В течение многих месяцев после того происшествия я не позволял себе смотреть на него и прикасался к нему лишь по необходимости, во время мочеиспускания. После некоторого размышления, я заставил себя смириться со сложившимся положением. У моего отца имелись альбомы с фотографиями различных человеческих мутаций и отклонений в развитии эмбриона. Рассматривая те снимки, в большинстве своем сохранявшие себя в бесцветной чистоте, я был уверен, что и сам достоин появиться среди них. В ужасающем том мироздании место мне имелось только на одной из тех гладких страниц. Вчитываясь в сопровождавшие фотографии объяснения, я узнавал причиной представшего передо мной уродства травму, вредные привычки матери, пережитые ею стресс, отравление, удар электрического тока, болезнь или близкое родство родителей несчастного существа. Проведя тщательное расследование, включавшее прежде всего расспросы отца, я убедился в отсутствии каких-либо инцидентов во время моего пребывания в материнской утробе, но не осмелился спросить у него, не являются ли они с матерью братом и сестрой, пусть и в некотором отдалении. Вопрос тот показался мне непристойным, пугающим, устраняющим любую возможность излечения и произнести его оказалось для меня сложнее, чем выплюнуть самое мягкое из ругательств. Наблюдая за родителями, рассматривая их изображения, мне удавалось находить в них некоторое неясное сходство, но я уже знал о таковом, нередко присутствующим между составляющими пару мужчиной и женщиной. Уповав только на указанную в книге возможность устранения многих из врожденных уродств посредством хирургической операции, я уговорил себя выждать некоторое время, а затем, по истечении нескольких лет, потребовать от родителей окончательных объяснений и оплаты всех требующихся исправлений. Но для этого мне следовало прежде всего познать свое уродство, понять и принять его во всех его возможных подробностях и измерениях, к чему я приступил с исступленным любопытством препарирующего незнакомое животное естествоиспытателя. Мне очень пригодился подаренный отцом набор юного фотографа. Бесчисленные сегменты пленочных червей были потрачены мной на собственную наготу, запечатленную со всех сторон, но еще больше впитало изображение моего члена, придерживаемого руками, висящего между широко раздвинутых ног, лежа-

щего на моей бледной коже. Я узнал его длину, я взвесил его на ювелирных весах, имевшихся у моего отца, морщась от леденящего прикосновения стальной тарелочки, я отметил его предпочтение левой стороны и возле самого его основания обнаружил едва различимое родимое пятно. Каждый день, перед сном, я разглядывал те фотографии, к удивлению своему не находя в проявившемся на них ничего уродливого, но полагая это обычной иллюзией, намеренной естественным образом обмануть меня, в успокоительной той лжи обретая очарованный покой. Различие в ощущениях от прикосновения к члену и любой другой части тела пугало меня, убеждало в наличии скрытого, оскорбительного непотребства, о котором родители молчали из немыслимой любви к своему единственному сыну. В иные ночи я был уверен в присутствии и некой более грандиозной лжи, заключающейся во врожденном обладании членом, тогда как в действительности, согласно злонамеренному заговору, некие жестокие силы, пристрастные к изощренным пыткам существа превращали некоторых из родившихся людей в мужчин. Рассматривая свой член под лупой, я старался обнаружить следы хирургической операции, оставленный швами шрам, но ничуть не преуспел в том и, удивленный, обратился к медицинским книгам, из которых узнал об операциях с использованием лицемерных лазеров, не позволявшим узреть после себя какие-либо повреждения кожи. Несомненно, у моего отца и его ровесников еще были шрамы, ведь во времена их детства лазеры еще не были доступны врачам, но после двух случаев, когда я ворвался к находящемуся в ванной отцу, он стал закрываться на щеколду, предотвратив возможность для меня внимательно разглядеть основание его члена. Ничем не могло помочь мне и разглядывание непристойных фотографий. Выбирая снимки, изображавшие обнаженных мужчин, поражавших меня шириной груди и выпуклой натужностью бедер или запечатлевшие их совокупление с другими, не менее величественными самцами, выискивая фотографии, на которых мужские члены представлены были крупным планом и с предельной четкостью, я изучал их, разложив по черному ковру в кабинете отца, по золотисто-красному паркету родительской спальни, стоя на четвереньках, склонившись над ними в лукавой мольбе, призывающей раскрыть мне великую тайну прихотливого моего уродства. Так энтомолог рассматривает предмет своего интереса, обнаруживая распределяющие по разным видам различия в созданиях, одинаковых для любого другого. Размеры и форма не пугали меня, ибо я знал об их изменениях с возрастом и в том не чувствовал себя ущемленным. Мысли о том, что, пребывая в детской неприглядности, мужчины те имели члены подобные моему не возникало во мне, ибо обратное превращение посредством уменьшения казалось невозможным, как сдувшийся воздушный шарик ничем не напоминает недавнего своего величия. Ни на одной фотографии я не обнаружил шрамов от операции, несмотря на их значительный, превосходящий даже пересчитываемый моим отцом возраст. Обвиняя снимки в недостаточной четкости, сожалея о малом размере их, я сидел, рыдая, вращая в одной руке рукоять лупы, кулаком другой бессильно ударяя о пол. В таком положении меня и застала однажды мать. Взглянув на разбросанные фотографии, она рассмеялась, присела рядом со мной, обняла меня за плечи и, употребив для того самый доверительный свой шепот, каким уговаривала иногда отца успокоиться и не волноваться по пустякам, сообщила мне об отсутствии чего-либо особенного в моем интересе к мужскому телу. Потребовав никогда не рассказывать кому-либо, под страхом клятвы, отвергавшей от меня поцелуи женщин, мать сообщила о наличии в прошлом моего отца многочисленных мужчин, не исключая и некоторых, представших на лежавших передо мной фотографиях. Все это отозвалось во мне лишь новыми воплями и потоками слез. Останавливая мои истеричные рыдания, матери потребовалось потратить еще около часа и пришлось призвать на помощь сладко пахнущие успокаивающие капли и обещание любого подарка. Но я так и не раскрыл ей причину своего расстройства. Оставив безнадежные попытки различить шрамы, я окончательно смирился со своим уродством, возмущенно стеная о том, что предпочел бы оказаться слабоумным, но с прекрасным огромным членом. Ни одна девушка не должна была заинтересоваться во мной, да и не смог бы я быть полноценным мужем для нее

В утверждении том я обрел неопределимый покой, поразительным образом сделавший меня более привлекательным для обоих полов. Зная о собственном несчастье, я понимал, что любая женщина сбежит от меня, как только увидит мое тело обнаженным и единственной надеждой считал девушек малопривлекательных, отчаявшихся не меньше меня и готовых на любое упрощение. Именно это и привело к тому, что, несколькими годами позднее, я стал вторым в классе, познавшим женское тело. Первым был самый смазливый, высокий и сильный из нас, отличавшийся к тому же превосходными успехами в учебе и вызывавший у меня увлекательную ревность. В отличие от сего юноши, совращенного подружкой его матери, я избавился от невинности в обществе девственной одноклассницы, пусть и не самой красивой лицом, но обладавшей бюстом, которому могли бы позавидовать и многие взрослые женщины. Мой успех представлялся мне более значительным. Мало кому из моих сверстников удавалось уговорить девушку на посещение кинотеатра, не говоря уже о поцелуе, я же стирал со своего члена смешавшуюся с женской кровью сперму. Столь значительные достижения не смогли убедить меня в отсутствии уродства. Спросить у девушки, согласившейся отдаться мне, я не мог ввиду недостатка смелости. Поведение ее настораживало меня. Одно время я опасался обвинения в изнасиловании, а причиной замеченных странностей я видел ее недовольство моим членом. Первые дни она отказывалась разговаривать со мной, довольно грубо отвергая любые мои обращения, но по вечерам звонила и разговаривала со мной до тех пор, пока родители не появлялись передо мной, знаками требуя от меня освободить телефон. Мать при этом извиняющее пожимала плечами, смущенно улыбаясь, как будто отнимала у меня, больного, лекарство. Только по прошествии двух недель та девица позволила мне снова взять ее за руку. После этого мы совокупились еще несколько раз, но затем началось лето и родители отослали меня подальше от моря, а она уже через несколько дней сошлась с бриллиантовым лейтенантом. Долгое время после этого у меня не было женщин. Несмотря на изнывающее вожделение, я не осмеливался более предлагать себя, ибо видел только один возможный исход любых отношений, не желая их в разновидности краткосрочной и унижительной. Опознаваемый как источник наслаждений, мой член все же оставался почти ненавидимым мной. По достижении совершеннолетия, я самостоятельно посетил пластического хирурга, внимательно выслушавшего меня, с удивлением осмотревшего мой член и не обнаружившего в нем не только никакого уродства, но признавшего размеры превосходящими средние и поинтересовавшегося, не желаю ли я побывать вместе с ним на цирковом представлении.

Возглас моей жены, впервые увидевшей меня обнаженным, запомнился мне едва ли не самым приятным, услышанным от другого человека.

– Какой у тебя красивый член! – воскликнула она, зажимая его основание между кончиков пальцев и это польстило мне больше любого упоминания о размере. Впервые обеспокоившись оным в возрасте шестнадцати лет после разговора с одноклассниками, я произвел измерения, вполне удовлетворился наличествующими девятнадцатью сантиметрами и никогда больше не беспокоился о тех цифрах.

Перебравшись в залу, я долго сидел, мучимый похотливой тьмой, стремившейся втянуть в ее прожорливые глубины все мои мысли, наблюдая за тем, как старалось превзойти само себя в угрюмой непоследовательности образов, то взывавших к войне, то требовавших покоя, мягкотелое мироздание.

Сигнал дверного звонка оставил меня неподвижным. Не имея ни сил, ни намерений отвечать на него, совершенно безразличный ко всему, ожидающему меня за ним, я сидел, вытянув неподвижные руки, глядя на их поддрагивающие пальцы, замирая и не дыша, когда длился трепещущий звон. Настойчивость его выглядела подозрительной, требовавшей ответа, намекающей на непознанные, незамеченные катастрофы и я, глубоко вдохнув, оттолкнулся от дивана, бросив себя к двери из залы, обрушился на ее водянистое стекло, переполз к стене прихожей, цепляясь за велюровые ромбы, ногтями впиваясь под тусклые медные заклепки, продвинулся

приступными шагами к двери, не имея сил взглянуть в глазок, ибо для этого мне пришлось бы наклониться, что, как я знал, отозвалось бы низвергающим головокружением, дернул щеколду, позволяя двери приоткрыться, толкнул ее обеими ладонями, увеличивая пустоту.

Относительно многого в своей жизни я имел нечто, называемое мной протоколами, представлявшими собой тщательно выполняемую последовательность действий, частыми намеренными повторениями превращенную в ритуальную бездумную непрерывность. В большинстве случаев они возникали после совершенной мной ошибки в качестве средства не допустить ее повторения, как оставленный мной с внешней стороны двери ключ навсегда создал во мне протокол пересечения порога, нарушить который не могли ни случайный разговор с соседом, ни раздавшийся из глубины квартиры телефонный звонок, ни расстройство желудка. Увидев того, кто так неистово желал встретиться со мной, я пообещал себе установить протокол, требующий от меня всегда смотреть в глазок перед тем, как открывать дверь.

Ростом мне по плечи, чуть ниже Ирины, он предстал передо мной в роскошном черном плаще, составленном из сладострастно поблескивающих чешуек, длинном, превращаемом в скупые волны широким кожаным поясом, лакированной изнеженностью вбивавшим судорожные излучения припадочной лампы. Голова его сперва показалась мне похожей на собачью, но ошибочное то впечатление немедленно исчезло, стоило ему слегка повернуться и приподнять ее, взирая на меня с горделивым вызовом в янтарном глазу, имея вид, приличный для наемного убийцы, застигнутого на позиции с оружием и фотографией намеченной жертвы.

– Вы не узнаете меня? – черная его шерсть лоснилась запредельной, истинно звериной чистотой.

– Не имею чести. – ранее мне только два раза доводилось оказаться в обществе медоедов, но, вопреки любопытству, я так и не смог поговорить с ними и задать интересующие меня вопросы о том, каким представляется им существование.

– Ваша машина врезалась в мою. – запоздалое беспокойство рассмешило меня. – Красный «Брисседаг».

Сощутив левый глаз, я воздел взор к мотыльковому потолку, вспоминая, что один из автомобилей, пострадавший во время моей катастрофы действительно принадлежал к той модели. Кажется, мой адвокат упоминал о медоеде.

– Возможно. – обвиснув на двери, я с трудом удерживался, чтобы не упасть на колени. – Что вы хотите?

Пальцы его лап неестественное имели удлинение и расположение, оставаясь при этом когтистыми и покрытыми шерстью. Все движения зверя порывистой отличались плавностью, сохраняя хищную расчетливую прямоу. Скользнув в карман плаща, он извлек из него свернутые в плотную трубку бумаги, перевязанные золотистой тесьмой, протянул их мне, покачавшему головой, привыкшему за годы работы в конторе не оставлять ни на чем без необходимости отпечатки пальцев.

– Послание от моего адвоката. – слегка визгливый его голос напоминал мне сварливых домохозяек, имеющих множество детей и не беспокоящихся уже о здоровье старших, которым уже больше десяти лет и которые, ввиду этого, могут сами присмотреть за собой.

Приподняв левую бровь, я счел жест сей в должной мере выражающим мое недоумение.

– Я предлагаю сделку. – наклонив голову, он смотрел на меня со злобной прямоотой. – Я могу отказаться от своих требований.

– Мне незнакомы ваши требования. – собственно, они были мне безразличны, так как было признано, к моему удовлетворению, что причиной случившегося оказался технический недостаток автомобиля.

– Они представляют достаточно крупную сумму. – зная о вошедшей в анекдоты бережливости тех существ, я едва ли мог представить, сколько собачьего корма можно купить на обозначенную таким образом величину. Происходящее казалось мне достаточно любопытным, да

и общение с представителем чуждого вида всегда почиталось мной как приятное и я позволил себе оставаться в прежнем положении, радуясь холодным уличным запахам, волновавшим и бодрившим меня.

– Полагаю, вам лучше отправить эти бумаги моему адвокату. Адрес вы легко можете узнать у вашего юриста. – положение мое позволяло мне приятное и возбуждающее высокомерие.

– Давайте договоримся. – слегка согнувшись, он словно сгорбился, когти босых лап скользнули, скрипнув, по грязным плиткам.

– Слушаю вас. —желаемое им могло раскрыть мне тайны вожделений подобных ему существ, что всегда интересовало меня больше всего.

– Я хочу вашу жену. – голова его снова дерзко вскинулась, глаз сощурился, чуть обнажились клыки. Будь он собакой, я ожидал бы угрожающего рычания.

– Я видел ее в суде. Она очень красивая женщина. – шапка серебристо-белых волос, тянувшаяся за спину с его высокого лба напоминала мне длинные крашенные волосы, популярные у некоторых уличных банд. – Мне всегда нравились такие. Я откажусь от всех своих требований, если вы позволите мне ее. Хотя бы один раз.

Среди записей в моей коллекции имелось несколько, изображавших совокупления людей с медоедами. По большей части они представляли мужчин, со злорадным упоением разводящих в стороны мохнатую нежность барсучьих бедер или же вовсе насилующих тех заперевших городских окраины существ. Рассказы об их самцах, продающих своих самок любому желающему, независимо от его видовой принадлежности, не заслуживали доверия. Насколько я мог вспомнить, у меня имелась только одна запись того, как женщина моего вида совокупляется с медоедом и выглядели они при этом так, словно никто из них не получил от содеянного никакого удовольствия.

– Боюсь, моя жена не пойдет на это ни при каких обстоятельствах. – выделенные на улыбочивое изумление силы, сдерживаемые мной, перетекли в руку, потянувшую дверь.

– Вы могли бы убедить ее! – пролаял медоед, но я уже был невидимым для него, скрытый орудийным лязгом замка и, прислонившись к холодному железу двери, медленно оседал на пол, позволяя себя хриплые всплески смеха. Прислушавшись, я различил стук когтей о ступени, далекий грохот, обозначивший медоеда покинувшим подъезд и теперь уже рассмеялся во весь голос, впервые за долгое время, превосходившее, как показалось мне, прошедшее со дня катастрофы.

Порывы холодного воздуха пробивались сквозь незримые щели, царапая мою шею, приживая мне страх простуды, но я сидел на полу, увлеченный поразительными видениями, никогда ранее не касавшимися меня. Упоительные образы, прорвавшиеся ко мне с неожиданностью шаровой молнии, оправдывали собой любую визгливую лихорадку, если случится ей пробраться в укрепленные витаминными коктейлями стены моей переменчивой крепости. Воображая мою жену, обнаженную, лежащую, согнув раздвинутые ноги, допускающую в себя медоеда, царапающего желтыми когтями ее прыгучие груди, натирающего до воспаленной красноты ее нежную кожу грубой черной шерстью, с порывистой животной отвлеченностью погружающего в нее пурпурный, остроконечный член, от незнания моего обретший очертания собачьего, я ощутил сдавившее сердце волнение, дождевую дрожь, разошедшуюся от солнечного сплетения по всему телу, в прежние времена отзывавшуюся немедленным напряжением величайшего и прекраснейшего, теперь же оставшуюся для него безвестной и призрачно-тусклой. В той промозглой темноте мне показалось, как иногда видится насекомое, ползущее по стене и оказывающееся невнятной случайной тенью, что член мой дернулся, отозвался на воображаемое мной. Уверенности в том у меня не было, я склонен был обвинить хаос переживаний и впечатлений, увлеченный слабостью и пустотой, поддавшимся словам своей жены, ее пустотелым желаниям, пусть и совпадавшим с моими, но неприятным для меня ввиду принадлеж-

ности другому живому существу. Иллюзия, какой бы холодящее приятной она ни была, едва ли смогла бы удовлетворить мою жену и потому не имела никакой ценности. Продвинувшись на пару шагов от болезнетворного дуновения, я прижался к стене, замедляя дыхание и отвлекая себя от учащенного сердцебиения предвкушением моего возвращения к полноценному присутствию, обретению вновь всей принадлежащей мне, согласно завещанию самой жизни, плоти. Тогда, в один из выходных дней я отправлюсь вместе с Ириной в районы медоедов, вооружившись и предарительно напитаю себя яростью.

Вечером она вернулась неожиданно рано и принесла с собой еду из нашего любимого ресторана, жаркое из носух с картофельным пюре и фруктовым соусом. Уютно устроившись на кухне, мы неторопливо вкушали яство, запивая его гранатовым соком, так как алкоголь был мне строжайше запрещен, а Ирина отказалась от него, заверив в отсутствии желания, произведенном, вероятнее всего, стремлением не печалить меня или оставаться со мной на равных.

Разрезая ножом белесое мясо, в ту же секунду менявшее свой цвет под потоками янтарного соуса, я размышлял о том, следует ли мне рассказать ей о визите медоеда, поглядывая на нее, задумчивую и задорно улыбающуюся, откидывающую волосы с лица чаще, чем было то необходимо. Белый тонкий джемпер слез с ее правого плеча, указывая на его соблазнительную наготу, затылок мой прижимался к холодному, приятно дрожащему телу холодильника, слева от меня сверкало неживыми огнями потемневшее окно и я чувствовал себя уютно и спокойно, как бывало то в прежние вечера, обещавшие после ужина просмотр незатейливого забавного фильма и многочасовое совокупление, одобренное дорогостоящими изысками, требующими использования хитроумных инструментов и приспособлений, составов, мазей и гелей.

В черной чашке передо мной вязко вращался незнакомый напиток, травяной чай, приобретенный Ириной, как призналась она, по настоянию некоей ее сотрудницы. Пену на мутной его поверхности лениво разгоняло отражение яркой лампы, покачивающееся, переливающееся, возвращавшее меня к желтоватому блеску клыков медоеда.

– Мне предложили поработать на телевидении. – поднеся чашку к губам, она сделала шумный глоток. Специализацией ее первого образования была телевизионная журналистика. Уже несколько лет она была далека от основной своей профессии, но прежних связей у нее сохранилось достаточно и время от времени она выполняла различные заказы, поступающие от коллег и бывших сотрудников, приносившие на наш счет значительное пополнение.

– Что ты будешь делать? – горьковатый привкус, оставляемый во рту напитком все же казался приятным, а брошенный в него лимон придавал пикантную неуверенность послевкуссия и я, не рискуя добавлять сахар, боясь испортить необычное переживание, с наслаждением вкушал его.

– Им нужен корреспондент для программы новостей. Придется много ездить по городу. – смущенная улыбка ее умоляла меня позволить ей ту работу. Удивленный ее подозрением в исходящем от меня запрете касательно желания столь невинного, я растерянно пожал плечами.

– Я постараюсь выглядеть привлекательно. Ты же много смотришь телевизор в последнее время. – опустив глаза, она справедливо упрекала меня в намного меньшем уделяемом ей времени. – Сможешь видеть меня каждый вечер в прямом эфире.

Те записи, которые мне довелось видеть, доказывали, насколько охотно любит ее камера и как притягательно она выглядит на экране, а представление о множестве мужчин, созерцающих ее в своих одиноких темных комнатах, сравнивающих ее с очерствелыми женами, показалось мне насмешливо приятным.

– Ты согласен? – она развернулась, взялась за пластиковую ручку белого чайника, намереваясь добавить воды в свою чашку, по которой разлетелись зеленые, с желтыми головами волнистые попугаи и в это мгновение я почувствовал сердце свое задумывающимся над каждым следующим ударом. Словно юнец, внезапно открывший для себя философские убеждения,

сомневающиеся в возможности существования, уверяющие в иллюзорности как его самого, так и любых других способов обретения переживаний и опыта, оно замирало в нерешительности перед каждым следующим биением. Едва ли стоило вдыхать, если все вокруг было всего лишь увлеченным своей ложью миражом, не было необходимости совершать какое-либо движение или даже размышлять о чем-либо в тех обстоятельствах, когда все равнялось всему другому в правдоподобном своем шарлатанстве и, тем более, не могло идти и речи об усилиях столь мучительных, как еще одно сокращение мышц, проталкивающее сквозь вены немного побледневшей крови.

Должно быть, она почувствовала в моей задыхающейся тишине нечто подозрительное. Успев увидеть, как она поворачивается, недоуменный испуг являя собой, я в следующее мгновение больно ударился затылком о холодильник и, в представлении моем, именно от этого и потерял сознание.

Очнувшись, я увидел над собой светловолосого доктора, заплаканную жену, прижимавшую ладони к лицу, закрывая ими губы и нос, двух помощников врача в красных комбинезонах, сгущающе озирающихся вокруг.

Улыбаясь, доктор помог мне приподняться, схватив меня за предплечья руками в мерзко скрипящих черных перчатках, схожих в прикосновении с кожей земноводного.

– Не беспокойтесь. – губы его, искаженные волнующими темными пятнами, добродушно извергали безразличные слова. – Все уже закончилось. Все обошлось. Ничего страшного и не случилось. Всего лишь небольшой скачок давления. И не сердитесь на жену. Она хотела вам лучшего.

– Почему я не должен сердиться на тебя? – когда Ирина расплатилась с ними и они покинули квартиру, а сама она села на кровать в изножье, поправляя забавляющийся падением с плеч неоправданно широкий ворот джемпера, я позволил себе любопытство.

– В этом виновата я. Тот чай. Он должен был тебя возбудить. – опустив голову, она скрылась за своими ладонями, опасаясь моего гнева, но мне было только жаль ее. Левая рука моя не желала сгибаться от боли. Три попытки потребовало доктору, прежде чем он попал иглой в изворотливую вену и теперь под бледной кожей расплзлось пока еще бесформенное, но обещающее стать многолапым чудовищем синеватое пятно.

Причиной неожиданного и странного равнодушия моего могло быть как растворившееся в моих венах, так и скорбная усталость, совмещающая в себя отчаяние от моих слабости и связанного с ней недуга, горечь от неспособности дать требуемое женщиной и полагающееся ей сообразно самой справедливости. Опираясь спиной на изголовье кровати, смягчая твердость ее перевернутой вертикально подушкой, я хотел только пить, о чем и попросил жену. Никаких напитков или соков, я хотел обычной кипяченой воды, словно желал в чистоте ее обрести избавление от неведомых или забытых проступков.

Стоило ей уйти, как слезы прорвались к моим глазам, но точно назвать причину их я не мог даже самому себе. В них не было сладкой жалости, не имелось ипряного страха перед будущим или страха никогда более не ублажить женщину. Не являлась источником их и боль, любые проявления которой затопила, подменяя собой темная, легкая, головокружительная, дурманящая слабость. Окружающее все меньше беспокоило меня, становясь неприятнее с каждым мгновением. Из отведенных мне двух месяцев первый близился к завершению. Вскоре я должен буду вновь появиться в конторе, но мысль об этом не радовала меня, как раньше. По прошествии пяти лет, я все еще с удовольствием спешил утром в клетчатую каменную башню, в свой одеревеневший кабинет, к толкотне беговых коридоров, спазматическим телефонным воплям, источающим свинцовую тяжесть кипам бумаг, количеством одних только цифр превзошедших число возможных для вселенной элементарных частиц. Впечатляющая моя карьера, поднявшая меня за последние два года до заместителя секретаря руководителя вспомогательного отдела, увеличившая мой доход в несколько раз, исходила, как я

понимал теперь, он неизбывной моей похоти, возносимая ею, воспаряющая на волне моего яростного вождения и лишившаяся могучих тех движителей. Накоплений моих было достаточно, чтобы при некоторой экономии прожить пару лет. Точного знания о доходах жены у меня не имелось, я не считал то нужным, так как все средства сходились на единый банковский счет. Полагая, что поступления от нее немного уступают моим, я понимал, что даже в самом худшем варианте, если состояние мое останется прежним и я не смогу найти работу, мы сможем существовать и оплачивать счета на получаемое Ириной, пусть и придется нам отказаться от некоторых наших привычек и развлечений.

Страх потерять жену также отсутствовал среди моих опасений. Ранее, когда я посмеивался над неумелыми самцами, не без оснований утверждая, что не могу назвать соитием нечто, длящееся менее одного часа, мне было боязно представить хотя бы на мгновение отсутствие в моей жизни Ирины или, если уж на то пошло, любой другой женщины. В самые тоскливые времена продолжительность моего одиночества не превосходила нескольких месяцев. После третьего или четвертого избавления, мной было принято решение и далее считать женщин неким явлением наподобие летнего дождя или звездопада, которые, даже если и случится им задержаться, рано или поздно проявят себя, позволяя мне насладиться ими. Знакомство с Ириной и наше совместное существование позволили мне надеяться на вечную для меня потерю тех беспокойств. Мысль об одиночестве теперь не казалась мне такой иссушающее – жестокой, какой представлялась ранее. В мире нашлось бы для меня немало занятий. Коллекция марок уже несколько лет не получала пополнений, были забыты карточные игры и увлечение скарболом.

Уснув раньше, чем жена вернулась ко мне с водой, я проспал до самого утра, когда грохот захлопнувшейся двери брезгливой судорогой сотряс мои конечности, вытряхивая меня из общества твердотелых сновидений. Должно быть, Ирина забыла придержать ее или неожиданный порыв ветра толкнул податливое железо, но сон оказался для меня более невозможным. Более часа я пролежал в кровати, пытаюсь дышать глубоко и размеренно, сравнивая свои ощущения с утром прошлого дня и находя себя пребывающим в состоянии более бодром, пусть и сочетающимся странным образом с упрочнившейся слабостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.